

ОСТРОВ **АКСЕНОВ**

Василий
АКСЁНОВ

ЛЮБОВЬ К ЭЛЕКТРИЧЕСТВУ

ПОВЕСТЬ
О ЛЕОНИДЕ
КРАСИНЕ

Электрический ток представляет собой направленное движение электрических зарядов (ионов, электронов) — носителей электричества.

Василий Павлович Аксенов

Любовь к электричеству:

Повесть о Леониде Красине

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=290872

Аксенов В. Любовь к электричеству: Повесть о Леониде Красине: Эксмо; М.; 2008

ISBN 978-5-699-28191-6

Аннотация

Гений террора, инженер-электрик по образованию, неизменно одетый по последней моде джентльмен Леонид Борисович Красин – фигура легендарная, но забытая. В московских дореволюционных салонах дамы обожали этого денди, будущего члена правительства Ленина.

Красину посвятил свой роман Василий Аксенов. Его герой, человек без тени, большевистский Прометей, грабил банки, кассы, убивал агентов охраны, добывал оружие, изготавливал взрывчатку. Ему – советскому Джеймсу Бонду – Ленин доверил «Боевую техническую группу при ЦК» (боевой отряд РСДРП).

Таких героев сейчас уже не найти. Да и Аксенов в этом романе – совсем не тот Аксенов, которого мы знаем по «Коллегам» и «Звездному билету». Строгий, острый на язык, страшный по силе описания характеров, он создал гимн герою ушедшей эпохи.

Содержание

Глава I	4
Глава II	24
Глава III	35
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Василий Аксенов

Любовь к электричеству

Глава I

Ни в чем предосудительном не замечен

Да ведь не кричать же! Не барабанить же в чужие двери! Ну вот, ну вот, скоро уже кофейня... Черт его занес в Авлабар! Гюли могла бы и подождать!

Дождь не устал. Казалось, что идешь сквозь ночь, раздвигая стеклярусные шторы. Бурные потоки с пузырями неслись вдоль узких тротуаров. Мтацминда уже слилась с черным небом. Тифлис погрузился во тьму. Сквозь ставни кое-где струился слабый керосиновый свет. Но ведь не бросаться же к этим ставням, не молотить же в них, не вопить! Да и есть ли причина для такой паники? Силуэт, мелькнувший под фонарем? Юноша в нахлобученной фуражке, толкнувший его плечом и буркнувший «pardon»? Что они хотят со мной сделать? Нужно подойти, объяснить; я ведь и не знаю ничего, кроме... кроме ерунды вещей... Да, может быть, и юноша-то этот – случайный, совершенно случайный, равнодушный прохожий, иностранец, в конце концов?

Расскажу все, что знаю. Да, все. Жизнь дороже. Молодая жизнь дороже. Расскажу все, а потом уеду в Персию. Расскажу и попрошу помиловать. Помилуйте Христа ради!

Авессалом Арчаков не мог сдвинуться с места от страха. Он стоял, прислонившись к причудливо изогнутой чугунной решетке, на крыльце какого-то словно вымершего дома. Вернее, не он сам стоял – тело его стояло, тело Авессалома Арчакова, с которым хозяин его ну никак не мог сладить.

Впереди на углу тускло желтел спуск в спасение – в кофейню «Отрада». Изредка из «Отрады» поднимались, качаясь, пьяницы и, набычившись, шли через дождь, никого не боясь, – счастливы!

Арчаков двинул-таки свое тело вперед, начал поднимать и опускать ноги. С каждой секундой «Отрада» приближалась. Арчаков уж совсем было осмелел, когда впереди скрипнула дверь и в полоске света появился юноша. Невысокий и ладный, как гимнаст, с тонкими усиками и сахарной улыбкой, он даже не взглянул на Арчакова, нелепо разъехавшегося в луже, он возился с зонтом и что-то тихо говорил тоненькой барышне, провожавшей его. Да-да, даже не глядел на Арчакова, ему не было до него никакого дела, у него несомненно голова была занята своими амурными делишками. Эдакий франт с Головинской, может быть, и князь, завел себе романчик в Авлабаре с купеческой дочкой или внучкой, внучкой-штучкой, курочкой-дурочкой.

Подбадривая себя этой нехитрой рифмовкой, Арчаков дотащился до «Отрады», где обычно после свидания со своей шерочкой-машерочкой со зверским таким молодечеством хлопал рюмку коньяку и таинственно подмигивал хозяину, а потом тыкал себя большим пальцем в грудь и сокрушенно тряс головой – перед вами, мол, старый греховодник.

Двадцатипятилетний Авессалом очень любил напустить туману, просто-таки обожал недомолвки, ухмылки, кивочки, подмигивания, многосмысленные фразы. Очень он любил показать публике, что он не просто так себе железнодорожный конторщик, что за его плечами тайна, скрытый смысл, грех или опасное дело.

Хозяин, знавший Арчакова, выбежал из-за стойки.

– Что с вами, господин? На вас лица нет.

– Шалва-батано, пошли мальчишку за извозчиком, – синими губами пробормотал Арчаков, – а мне, Шалва-батано, дай коньяку...

Он упал на стул и закрыл лицо руками. В этом был некоторый театральный эффект. Сквозь пальцы он осмотрел зал и огорчился. Никто, кроме хозяина, оказывается, и не обратил внимания на его столь драматический приход.

В углу за большим столом пиновала компания – человек десять. Только и слышно было «за мудрого», «за высокочтимого», «за нашего дорогого гостя»...

Заглянула в дверь лукавая худая физиономия кинто. С усов его еще текла вода.

– Привет честной компании! – крикнул кинто и подмигнул сразу двумя глазами. – Есть хороший товар!

Хозяин шуганул бродягу оскорбленным за честь заведения басом.

Все это Авессалом слышал как бы из-под воды, все как бы плыло перед ним.

– Послал мальчика за фаэтоном, господин, – сказал хозяин, наливая ему коньяку.

Арчаков не успел и отхлебнуть живительного напитка, как в кофейню спустился и сбросил на стул крылатку... некий юноша... да-да, это тот самый... ужасный... Он не терял его из виду весь этот день, а может быть, и всю неделю... может, все время с того проклятого утра, когда разошлись швы на ящике и Арчаков увидел...

Юноша сел напротив Арчакова и спросил бутылку вина.

Он поднял стакан и приветливо кивнул совершенно уже липкому, как мыш, Авессалому.

– Гагемарджос! Будьте здоровы!

Вошли еще двое в студенческих фуражках и сели справа от Арчакова. Они улыбались ему. Компания, пиновавшая в углу, тоже обернулась к нему, улыбочивая, мягкая.

– Гагемарджос, генацвале, гагемарджос!

Хозяин перетирал посуду и прямо весь лучился. Какие у него собрались приятные господа!

Авессалом хотел было встать – ноги не слушались.

– Шалва-батано... – еле слышно позвал он хозяина, не в силах шевельнуть окоченевшими членами.

Вдруг движения вернулись к нему, но в каком-то непристойном суевликом, трепещущем виде. Достав из жилетного карманчика серебряный рубль, он протянул его хозяину. Рубль прыгал в дымном воздухе «Отрады».

Тот самый, тот ужасный медленно встал и подошел к Арчакову. Опершись на стол кулаками, он приблизил к Арчакову свое лицо, чуть тронутое оспой. Зрачки его были похожи на затуманенное от холода темное стекло.

– Хочешь – убью? – тихо, но вполне, вполне отчетливо спросил он.

– Нет! – с исключительной искренностью ответил Арчаков.

– Иди за мной!

В сводчатой темной комнате, в которой, казалось, навеки устоялся запах вина и нечистот, к Арчакову приблизились три пары глаз и еще один пустой зрачок – бельгийского пистолета.

– Ну, теперь рассказывай!

– Дай ему коньяку, Ладос! Еще помрет!

– Пей и рассказывай!

Арчаков жадно выхлестал полстакана – дрожь унялась...

– Кто вы? – тихо вымолвил он.

Юноши молча усмехнулись. Пустой зрачок приблизился.

– Кто вы? – умоляюще сложил руки Авессалом.

– Он хочет знать, кто мы, – сказал тот, кого называли Ладом. – Он хочет знать, кого предавать – охранку или революционеров.

– Мы социал-демократы... и он это прекрасно знает, – сказал тот, что держал в левой руке револьвер.

Авессалом вздрогнул, уронил голову в ладони и быстро заговорил.

Он начал рассказывать о своем кружке, о том, что участвовал в собраниях...

Раздался смех.

– Ну да, какие уж это были собрания, так, пикники, куда уж нам до вас, господа социал-демократы... до вас, товарищи...

– Собака тебе товарищ!

– Pardon! И вот недавно я, Авессалом Арчаков, оформлял груз в шестом пакгаузе, и при этом присутствовали... гм... хм...

– Старшина артели грузчиков Гулиава и городской Потапов?

– Да, господа, вы совершенно правы, именно эти лица. В пакгаузе было много грузов разных фирм, и среди них несколько ящиков фирмы «Перетти и Мирзоянц» – из Баку через Москву в Либаву. Да, господа, при передвижке совершенно случайно у одного ящика разошлись швы и выпала пачка... хм... литературы, листовки, листовки, господа, прокламации!

Арчаков сразу понял, что это такое, потому что все-таки на пикничках иной раз и зачитывалось нечто подобное. Быстро сунув пачку обратно, он накричал на грузчиков, велел поаккуратнее зашить ящик, обернулся и увидел, что старшина грузчиков и городской смотрят на него как-то странно. Да, он похолодел, да, похолодел, господа... Нервы никуда не годятся, напрочь расшатаны революционной деятельностью.

Неужели Гулиава и Потапов догадались, что за груз в ящиках фирмы «Перетти и Мирзоянц»? Но почему они молчат? Ждут его действий – ведь он здесь главный. А может быть, они ничего и не поняли, а просто смотрят на него с привычной своей воловьей тупостью?

Всю ночь Арчаков думал об этих взглядах, всю ночь прислушивался – может, уже идут за ним?

Под утро возникли какие-то непонятные зловещие звуки. Они приближались. Он бросился к окну и увидел конницу. Медленно по их улице в сторону Кутаисского тракта шел драгунский полк. Он долго смотрел на это движение, на покачивающихся в седлах драгун, на темляки сабель, на карабины, на лица – одно к одному, усатые, без тени сомнений, без тени чувств, на мощные матово светящиеся крупы лошадей. Им не было конца, этим драгунам... Потом пошли артиллерийские упряжки, пушки, зарядные ящики... Куда двигались эти войска?

Арчакова охватил ужас, когда он представил себе всю мощь, малая толика которой прошла сейчас под его окнами, и всю империю от Царства Польского до японских морей, всех драгун и казаков этой империи, все пушки и новое адское оружие – пулемет, всех жандармов и околоточных надзирателей... А броненосные эскадры, закрывающие своим дымом полнеба? И все это движется непостижимыми для малых сих путями, все движется целенаправленно по мановению руки венценосца... Что рядом с этим жалкие бумажки, взывающие к справедливости? Что такое демократия, конституция, парламент? Что такое он, Авессалом Арчаков? Как эфемерна его...

– Ну, довольно, – оборвал его юноша по имени Ладом. – Короче говоря, утром ты был уже в охранке. Кто тебя допрашивал?

– Его высокоблагородие полковник Шаринкин.

Трое многозначительно переглянулись.

– Они держали меня двое суток, – забормотал Арчаков. – За ночь ящики с прокламациями куда-то исчезли. Арестованы были и Гулиава, и Потапов, и еще ряд лиц со станции.

Оказалось, что фирмы «Перетти и Мирзоянц» не существует ни в Тифлисе, ни в Баку, а ящики были отправлены из Баку, господа... Там, возможно, тоже кого-то взяли...

– Федералистов всех выдал? – спросил «пистолет».

– Всех, кого знал... Но их не тронули, господа... На третий день и меня выпустили.

– Подписку давал?

– Да.

– Какое получил задание?

– Господа! Можете мне не верить...

– Слушай, Арчаков, ты должен понять, что теперь вся твоя жизнь взята на мушку. Броненосные эскадры венценосца и даже его высокоблагородие не спасут тебя от этой штучки... Говори!

– Мне поручили усилить свою революционную деятельность, нащупать связь с вами, господа, с другими кружками... Сообщать полиции все, что я услышу о Нине...

– О какой Нине?

– Не знаю... Они сказали: «Как услышишь что-нибудь о Нине, сразу беги сюда». Кроме того, их интересует человек по имени Никитич...

– Ну, иди, Арчаков, гуляй пока. Но мы о тебе помним, знай.

...«Теперь уже совершенно необходимо уехать в Персию», – подумал Арчаков, и тут же от стены навстречу ему отошел мокрый мужичонка с рысьими глазами. Охранка!

На исходе 1903 года Тифлис заливали бесконечные дожди...

ПОЛИЦИЯ

Департамент полиции. 1891 г.

О сыне надворного советника

Леониде Борисове Красине:

...Листок негласного надзора составлен 3 мая 1891 г. после исключения Л.Б. Красина из С.-Петербургского технологического института за участие в беспорядках во время похорон Шелгунова.

Отец Борис Иванов – окружной исправник в Тюмени;

мать – Антонина Григорьева;

брат – Герман, 20 л., б. студент СП технологического института, исключен 19.4.91, выбыл в Варшаву;

братья Александр 15 лет, Борис 7 лет, сестра Софья 13 лет – при родителях...

Господин товарищ министра признал нужным воспрепятствовать Леониду Борисову Красину жительство в столицах и городе Казани в течение трех лет.

Из письма с подписью «Леонид Красин»

из Н. Новгорода Ефимову А. И. в С.-Петербург:

...Может быть, виды «государственной безопасности» и побудят кого следует воспрепятствовать мне докончить образование (образованный техник почему-то признается более вредным, чем недоучка), но я все же буду пробовать пристроиться к этой сфере деятельности.

Вообще радужных надежд на возвращение не питаю, потому что Делянов... с истинно министерскою беззастенчивостью аттестует

«подлецами, мерзавцами, мошенниками» всех выгнанных за шелгуновские похороны... оказывается, что Шелгунов-то «с Чернышевским был знаком!». Вот ведь каким заядлым преступником оказывается похороненный нами старик!!.

Из письма Военного министра. 3 июля 1892:

Леонид Красин, состоящий с октября 1891 года вольноопределяющимся в войсках, расположенных в Нижнем Новгороде, арестован и передан в Московское губернское жандармское управление для привлечения к дознанию.

...Военному Министерству не было известно ни об исключении этого молодого человека из СП технологического института, ни о высылке его из столицы...

Справка 3-го Делопроизводства:

...В 1892 году Л. Б. Красин был привлечен к дознанию по делу о Московском тайном кружке... При обыске у него нашли письмо, писанное к родным и неотправленное, где автор дерзко порицает действия Правительства и изъявляет решимость примкнуть к протестующей молодежи...

В Департамент полиции от и. д.

воронежского губернатора. 16 декабря 1894:

...привлеченный в качестве обвиняемого в государственном преступлении и отданный под особый надзор полиции дворянин Леонид Борисов Красин не принял присягу на верноподданность Его Величеству Государю Императору...

...От Департамента полиции объявляется сыну надворного советника запасному унтер-офицеру Л. Б. Красину, что на основании Высочайшего повеления... он, Красин, подлежит по исключении из числа чинов запаса армии одиночному тюремному заключению на три месяца с подчинением затем в одном из северо-восточных уездов Вологодской губернии надзору полиции на три года...

...Заключен в Воронежскую тюрьму сроком на три месяца по предложению Господина Товарища Министра Внутренних дел.

*Из прошения Его Высокопревосходительству
Господину Министру Внутренних дел
сына надворного советника Леонида Красина
от января 1895:*

...продолжительное одиночное заключение в Московском тюремном замке крайне неблагоприятно повлияло на мое здоровье, послужило источником упорной грудной болезни... делающей для меня настоятельно необходимым пребывание в местах, где всегда можно было бы пользоваться советами врачей и где климатические условия были бы по возможности благоприятны или по крайней мере привычны для моего организма; ни того,

ни другого нельзя ожидать в глухих местностях северо-восточной части Вологодской губернии...

...Почтительнейше ходатайствуя перед Вашим Высокопревосходительством о разрешении мне отбыть срок наказания в месте постоянного жительства моих родителей, я имею в виду не только удовлетворение своей собственной сыновней потребности, но и возможное облегчение того нравственного бремени, которым лежит на моих родителях постигшая меня участь.

Прискорбное стечение обстоятельств... прервало и мое техническое образование в Технологическом институте, в котором мною успешно пройдены первые 3 курса; эта подготовка, при склонности моей к технической деятельности, позволила мне пользоваться по оставлении Петербурга всяким представлявшимся случаем для работы в этой области. Так, я участвовал: 1. в работах по устройству нефтяного отопления на фабриках села Кохмы и городов Шуи и Иваново-Вознесенска; 2. в работах по нивелировке, составлению смет... в бытность свою кондуктором инженерных войск в г. Нижнем Новгороде; 3. в возведении хозяйственных построек в новом лагере 12-го пехотного Великолуцкого полка в г. Туле; 4. в проведении линии конно-железной дороги в том же городе; 5. в работах в селе Колач... в качестве техника на Бутурлиновской ветви строящейся Балашово-Харьковской жел. дороги.

...Питая надежду, что Вашему Высокопревосходительству угодно будет принять вышеизложенные обстоятельства во внимание, я решаюсь почтительнейше просить о зачете мне в наказание времени, проведенного в предварительном тюремном заключении, о возможном применении ко мне милости Высочайшего Манифеста и о замене назначенных мне для житья северо-восточных уездов Вологодской губернии городом Иркутском... который как одно из средоточий работ по постройке великого Сибирского железнодорожного пути позволит рассчитывать на возможность практики и заработка по технической части...

...На запрос Министерства внутренних дел от 24.3.95, не встречает ли иркутский Генерал-губернатор препятствий к высылке Красина в Иркутск, Генерал-губернатор Горемыкин отвечал: «Не встречаю».

*Из письма воронежского губернатора
в Департамент полиции (апрель 95):*

...сын надворного советника Л. Б. Красин 23 февраля сего года приведен к присяге на верность подданства...

* * *

Он вошел в буфет первого класса и небрежно протянул швейцару свою богатую меховую шапку, подаренную вчера старым другом Робертом Классоном. Менее уверенно он освободился от видавшего виды коврового портплекта, приобретенного еще в пору студенческого питерского житья и служившего ему по назначению, а также в качестве подушки, кресла, а иногда и единственного друга по всем тюрьмам и этапам. Он дерзновенно улыбнулся в

глаза швейцару, но тот с изумлением уставился на его сапоги, и только вошедший купчина отвлек его от этого зрелища.

Что ж такого особенного в его сапогах? Нормальные, почти целые сапоги. Бесформенные? Пусть бесформенные, но зато начищены-то как! Какой неотразимый блеск! А как разит ваксой! Сразу на всю залу!

Вон барышня в углу морщит носик, даже не понимая, откуда проник этот мощный запах.

Бодро прошествовал мимо барышни и занял столик у окна, выходящего прямо на перрон.

– Графинчик, закуски, кофию и «Биржевые ведомости», – распорядился он и замер, напрягся, стиснул зубы, чтобы скрыть восторг, когда на стол легла месячная «Биржовка» на лакированной палке.

Да-да, вот так запросто спросить газету, читать газету без разрешения его высокоблагородия полковника Иванова, подцеплять вилочкой ломтики семги или грибок, не напрягаться при резких звуках за спиной – это не «глазок» открылся, а просто кто-то двинул стул... Вот это и есть свобода, и пахнет она лимончиком, чистой скатертью, свежим хлебом? Маленькая жалкая свободочка, оценить которую может только старый арестант.

А какой ценой ты это купил? Почтительнейше ходатайствую... прискорбное стечение обстоятельств... Приведением к присяге на верность его императорскому? Еще три месяца назад ты отказался от этой присяги, чем поверг своих тюремщиков в священный ужас. Ты был горд и одинок тогда. Мцыри... Впрочем, какой смысл биться без конца с ветряными мельницами? Все эти фразы, пусть унижительные для современного мыслящего человека, всего лишь форма. Присяга тирану? Тоже недорого стоит. Разве может она наложить на тебя какие-нибудь моральные обязательства? Сейчас ты должен перемениться, ты должен сбить их с толку. Надо накопить силы, надо выбраться из ссылки и непременно стать инженером, получить диплом. Ты должен научиться строить по-настоящему, не хуже, чем в Европе, лучше, чем в Европе, ты должен постичь электротехнику, постичь смысл электричества, ты... Да, ваше высокосиятельное толстобрюшие, мне еще нет 25 лет, и я буду инженером, буду первоклассным инженером, а там посмотрим, посмотрим...

Посмотрим пока, что происходит в мире. Так, Япония и Китай подписали в Симоносеки мирный договор, тогда как Италия героически сражается с Эфиопией, а Франция милосердно установила протекторат над Мадагаскаром. Вот еще любопытное сообщение. Французы братья Люмьер изобрели движущиеся фотографии. Эффект движения удивительный, парижская публика потрясена. Что-то происходит с человечеством: открытия одно удивительнее другого чуть ли не каждый месяц поражают умы. Еще в Воронежской тюрьме он прочел о проникающих икс-лучах Рентгена, об опытах флотского офицера Попова над беспроволочным – подумать только! – телеграфом. Мир стоит на грани удивительных событий в науке и в общественной жизни, нужно сделать еще несколько шагов. Сколько лет понадобится на эти шаги? Хватит ли его жизни? Сможет ли он стать участником событий?

Он посмотрел в окно на перрон. Там пробегали вековые российские бабки с мешками, лепил мокрый мартовский снег, валил дым из высоких паровозных труб, в толпе под сонным оком железнодорожного жандарма шли мелкие торговые операции. Зазвонил колокол, и словно от этого звона через полуоткрытую форточку в буфет залетел ветер, пахло мокрым снегом, бесконечным простором страны, и вчерашний арестант мгновенно взбодрился. Перед ним была ссылка, Сибирь, путешествие за золотым руном, за свободой. Сибири он ни капельки не боялся, а, напротив, знал ее и любил. Впрочем, не было сейчас такого угла на земле, который бы испугал его.

Он бодро протопал через залу в своих прекрасных сапожках, получил богатую свою шапку и портплед и вскоре прошествовал мимо окон по перрону, провожаемый долгим взглядом печальной барышни из буфета.

– Какое одухотворенное лицо у этого юноши, – проговорила барышня. – В нем есть что-то от народолюбца.

– Вздор! – выперхнул ее кавалер через заливную поросятину.

ПОЛИЦИЯ

В Департамент полиции от 12.3.96.

Брат находящегося под гласным надзором в городе Иркутске Леонида Борисова Красина инженер-технолог Г. Красин обратился с прошением, в коем ходатайствует о разрешении его брату принять предложенное сему последнему инженером Доксом место на изысканиях Круго-Байкальской железной дороги...

Всепопданнейший доклад Министра Внутренних дел:

...Признавая Красина ввиду одобрителного поведения в ссылке заслуживающим смягчения участи на основании 2 п. XXIII ст. Высочайшего манифеста 14 мая сего года, всепопданнейшим долгом постановляю себе испрашивать всемилостивейшего Вашего Императорского Величества соизволения на сокращение названному лицу срока надзора полиции на один год...

Октября 1890 года

Высочайшее согласие на сокращение срока гласного надзора получено 24.10.90.

*От иркутского генерал-губернатора
в Департамент полиции от 18.1.1897:*

...за время проживания в г. Иркутске Красин ни в чем предосудительном не замечался и поведения вполне одобрителного.

*Из письма Л.Б. Красина брату Герману
(февраль 1898):*

...В последние дни, вероятно, чтобы разнообразить хоть несколько мое существование, полиция опять завела со мной переговоры... По словам довольно наивного и глуповатого помощника пристава, «Министр Вн. дел интересуется знать, поступили ли вы в Технологический институт».

...Я теперь, как за каменной стеной, за занятиями и работами: моя, мол, хата с краю, анализ кончил, машину начал, – больше ничего знать не знаю...

Из сведений, полученных при наблюдении:

30.V.1900 Л. Б. Красин выбыл из Харькова в Москву, но туда не прибывал.

В июле 1901 г. начальник Харьковского губернского жандармского управления уведомил, что Красин выбыл из Харькова неизвестно куда.

В апреле 1902 г. начальник Бакинского губернского жандармского управления уведомил, что состоящий под негласным надзором полиции Л. Б. Красин обнаружен на Биби-Эйбатской станции об-ва «Электрическая сила» близ г. Баку, где служит заведующим ее с 1900 года...

* * *

Несмотря на непогоду, работы на Баиловом мысу, возле Баку, не прекращались. Отчаянно свистели и пыхтели локомобили, ухали в трех местах чугунные бабы, со всех сторон неслись крики десятников, ругань и пенье рабочих, волжское оканье, московское аканье, пронзительная татарская речь, иной раз сквозь этот хор прорывались сольные партии иноземцев: немцев, шведов, англичан – кого только не было на строительстве Биби-Эйбатской электростанции!

Красин тревожился за группу рабочих, которые работали на крошечном плоском островке саженьях в ста от берега, ставили там опоры для эстакады. В обычное время к этому острову можно было дойти пешком по мелководью, что эти рабочие и делали ежедневно, но сейчас северо-восточный ветер гнал к берегу такие огромные серо-зеленые валы, что и островок сам, и рабочие окончательно скрылись из виду.

Красин пробежал, балансируя, по доске, брошенной через грязное месиво, к своей командной вышке, вскарабкался на нее, приставил к глазам бинокль. Рабочие на островке почти все собрались на небольшой кочке, размахивали руками и пытались перекрыть шторм, и только трое, Мухин, Быков и Ахат, продолжали кайлить землю, не обращая внимания на свирепую стихию; работа, должно быть, их успокаивала.

Красин закричал в рупор:

– Баранов! Плоцкий! Немедленно найдите лодку! Нужно протянуть туда канат!

С острова, видимо, заметили фигуру на вышке. Наверняка они узнали Красина – «главного», а ему на стройке привыкли верить. Молодой начальник, строгий, а вроде бы и свой. Суматоха прекратилась, люди начали сооружать навес из мешковины и досок.

Вышка скрипела и качалась под порывами ветра, однако Красин не спускался. С удовольствием оглядывал он роящийся муравейник стройки, закопченное уже главное здание станции, три жилых дома, водокачку, дорожки... Сколько слов он потратил, чтобы убедить бакинских денежных тузов в том, что «электрическая система передачи энергии наилучшая»! И вот теперь работа почти закончена, и он гордился, отчаянно гордился своим, таким невероятно могучим первенцем. Успех в этом деле, а успех уже явный, бесспорный, заряжал его энергией и уверенностью в своих силах. Так или иначе, он победил, он сбил «их» с толку... А остальное – впереди.

За спиной его заскрипели доски. Он обернулся: инженер Майкл О'Флаэрти карабкался на вышку.

– Хау ду ю ду, мистер Красин! Элау ми, сэр...

– Давайте, Майкл, по-русски, пора бы научиться.

– Олл райт! По-русски. Ай идет от ваш команд ин тери час остро афта нун, бат, сорри, однако...

– Нет уж, давайте тогда по-английски или по-немецки, – рассмеялся Красин.

О'Флаэрти отчаянно захохотал. Сорокалетний жилистый ирландец никогда не упускал возможности изо всех сил расхохотаться, но это не мешало ему быть толковым, серьезным инженером.

Они заговорили, переходя с английского на немецкий.

– Я пришел, Красин, по вашему приказанию ровно в три часа. Не «часика в три», как обычно говорят русские, а точно по вашему приказанию...

– Ну-ну, Флаэрти, вы же видите, какой шторм. Мне пришлось отложить все дела. Мы займемся с вами, когда вытащат тех людей.

Ирландец облокотился о перила. Ветер трепал его светлые с редкими сединками бакенбарды.

– Да, красиво! Я не думал, что здесь может быть такой шторм. Как в Калифорнии... Кстати, отсюда я еду в Калифорнию, подписал контракт с одной американской фирмой. Хотите, поедem вместе.

– Что, в Калифорнию? – удивился Красин. – Нет, спасибо, у меня и здесь много дел.

– Но там больше возможностей и колоссальные деньги! Я работал в пятнадцати странах, но нигде не зарабатывал столько денег, сколько в Америке. Такой инженер, как вы, может стать там миллионером.

– Почему же вы им не стали? – усмехнулся Красин.

– У меня есть порочные склонности, – вздохнул ирландец. – Я игрок.

Красин увидел в бинокль немо оружие мокрые лица, вздувшиеся жилы, слипшиеся бороды.

– В самом деле, хотите, я напишу о вас в Сан-Франциско? – спросил О'Флаэрти.

– Спасибо, но у меня и дома очень много дел. Очень много, О'Флаэрти. Вы даже не представляете, сколько у меня здесь дел!

– Понимаю, вам хочется строить на родине, вы патриот, но мне кажется, что в России скоро нельзя будет строить.

Это прозвучало так неожиданно, что Красин даже на минуту забыл о лодке.

– Это почему же, сэр? Почему вам так кажется?

– Видите ли, Красин, я был, как вы знаете, месяц назад в Москве и видел там в один день две демонстрации. Одна несла портреты царя и иконы, другая – красные флаги и социалистические лозунги, каких и в Европе не увидишь. Лица одних были угрюмы, у других сверкали глаза. Это очень страшно, Красин, когда сталкиваются две противоположно заряженные массы. Поверьте старому бродяге, это страшно...

– Вон вы чего боитесь, – усмехнулся Красин и снова взялся за бинокль.

– Я слежу за вашими газетами, читать по-русски я могу гораздо лучше, чем говорить. Вчера один студент убил министра внутренних дел Сипягина. Что это, по-вашему? Россия на пороге страшных событий. Так что, если хотите строить электростанции, едем со мной в Калифорнию.

– Лодка перевернулась! – закричал Красин и бросился вниз по лестнице.

– Куда вы, сэр? – заорал О'Флаэрти.

– Туда! Хотите со мной? Я слышал, что ирландцы смелые ребята!

– Вас не обманули! – бешено захохотал инженер и, выпятив для храбрости подбородок, последовал за Красиным.

ПОЛИЦИЯ

*Особый отдел Департамента полиции.
Директору Департамента полиции
от инженера-технолога Л. Б. Красина
прошение от 29 июля 1902:*

В июле месяце 1897 г. в г. Иркутске мне было объявлено о снятии с меня гласного надзора полиции с воспрещением, однако, выезда в гг. Москву, Петербург и Петербургскую губернию до особого разрешения.

В течение пяти лет, истекших с этого времени, я окончил курс Харьковского технологического института... и теперь уже третий год работаю в области техники, управляя отделом крупной электрической фирмы в г. Баку.

О снятии запрещения проживать в столицах мне до сих пор не было объявлено, из чего я должен заключить, что оно остается в силе. Между тем мне по служебному моему положению нередко представляется надобность бывать в Петербурге и Москве, так как в первом из них находится Правление акционерного общества... Москва же с ее торговыми складами и техническими представительствами всех сколько-нибудь крупных русских и заграничных фирм является для нас постоянным поставщиком различных материалов и машин. ...Поэтому я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство снять с меня упомянутое запрещение и разрешить мне въезд в обе столицы.

22 августа 1902 года Департамент полиции сообщил московскому генерал-губернатору и СПб-му градоначальнику о разрешении Л. Б. Красину проживать в столицах.

* * *

Бакинское «общество», промышленники и финансовые тузы, было приятно взбудоражено гастрольями Комиссаржевской. Казалось, что знаменитая актриса принесла с собой дыхание непонятной манящей жизни беспокойного Севера, тревожный ветерок столиц. Знаменитость чествовали непрерывно, приемы и обеды следовали один за другим.

Провинциальная роскошь стола забавляла Комиссаржевскую, смешили долетавшие из-за хрусталя разговоры, в которых либеральные восклицания сменялись гастрономическими восторгами:

– Господа, сегодня в газетах – суд приговорил кишиневских печатников-эсдеков к пожизненной ссылке! Какое варварство!

– Рыбы, господа! Попробуйте рыбы!

– Дикость! Когда это наконец кончится?!

– А по-вашему, государство должно орденами заговорщиков награждать?

– Да почему орденами?! Варварски свирепый приговор! Азия неистребимая!

– А вы как считаете, Леонид Борисович?

– Конечно, чересчур суровый приговор.

– Ох, либералы, либералы, всех бы... пардон...

– Внимание, господа, гвоздь программы – индейка с орехами!

Перед Верой Федоровной на столе лежал невероятный букет, преподнесенный купечеством, букет из сторублевых кредитных билетов. Иногда актриса поднимала букет и смешно морщила нос, словно нюхая столь необычные цветы, чем вызывала вокруг умиление. Ай да мы, ай да бакинцы! Знайте, милостивая государыня, это вам не какой-нибудь Тамбов!

Лишь один человек словно бы совсем не обращал внимания на именитую гостью, а если и взглядывал иногда, то во взгляде его Вере Федоровне чудилась быстрая лукавая усмешка. Она прислушивалась к разговору на том конце стола, где сидел он.

- Значит, Леонид Борисович, вы считаете, что приговор бунтовщикам слишком строг?
- Я считаю, что индейка бесподобна, сударь.

...Ночью Комиссаржевская тихо вышла на веранду и положила свой букет на балюстраду. То ли от каменных плит, то ли от близкого фонтана повеяло сыростью. В глубине сада скрипнули петли железной калитки, и по узкой аллее, испещренной тенями крупных южных листьев, быстрой легкой походкой прошел некто таинственный в ночи... Вот он взбежал по ступеням на веранду. Комиссаржевская зябко закуталась в шаль, стараясь унять волнение.

- Ваши цветы пахнут типографской краской... Дивный подарок для Нины, – сказал он.

*Сведения, полученные при наблюдении
к декабрю 1903 г.*

...Л. Б. Красин ни в чем предосудительном не замечен. Неблагоприятных указаний на его политическую неблагонадежность не получено...

Хлопья снега летели в окно и покрывали стекло так быстро и ловко, словно занималась этим не ранняя капризная зима, а расторопный дворник.

Андреева, Горький и Морозов ужинали вдвоем после очередного спектакля «На дне». Савва Тимофеевич много ел, много пил и много говорил о горьковской драматургии, о перспективах МХТа и был весьма удивлен, чуть ли не испуган неожиданным вопросом Андреевой:

- Савва Тимофеевич, как у вас подвигаются электрические дела в Орехове?
- Ничего, подвигаются... – пробормотал он. – Нашими расейскими темпами.
- А я вам нашла случайно великолепную кандидатуру, – оживленно заговорила Андреева. – Талантливый молодой инженер, настоящий европеец...
- Кто же это? – хитренько сощурился Морозов.
- Леонид Красин. Он...
- Он уже дважды рекомендован мне вами, сударыня, – усмехнулся Морозов. – Максимыч, вас не волнует этот неожиданный интерес Марии Федоровны к электричеству?
- Не волнует, – прогудел Горький. – Я сам интересуюсь электричеством.

Морозов промолчал. Он прекрасно понимал, чем занимается этот «настоящий европеец» помимо электричества и почему за него так рьяно хлопочет Андреева.

Два крупных жандармских чина – полковник Караев и прибывший третьего дня из Петербурга подполковник Ехно-Егерн тихо беседовали в ложе бакинского театра.

- Прекрасный певец, не так ли, Александр Стефанович?
- На мой вкус, сладковат, Михаил Константинович.
- Э, батенька, это в вас столичная пресыщенность говорит...
- О, нет!

Полковник Караев был чуть ли не в два раза старше подполковника Ехно-Егерна, этого пшюта столичного, занюханного полячишки с моноклем, французика квелого, паркетного шаркуна, которому, видите ли, певец замечательный не нравится, солист его величества, прелестнейший широкогрудый певец.

...Мое сердце любовью трепещет,
Но не знает любовных цепей, —

спел певец и сделал рукой энергичный и как бы вдохновенно-сумасбродный жест. Певец был усат, носил прилизанный пробор и походил скорее на гвардейского офицера, чем на певца, что не было удивительно: всей музыкально грамотной публике, включая государя, было известно, что кровей певец отменных. В антракте чины могущественного ведомства продолжали мирную и вроде бы не лишенную приятности, во всяком случае вежливую, беседу.

– Рискуя показаться неразвитой натурой, Михаил Константинович, я все же должен вам сказать, что отношусь к опере критически, – говоря это, Ехно-Егерн пустынно поблескивал моноклем, наблюдая ловкие движения капельдинера, откупоривающего бутылку. – Концерты еще куда ни шло. В них можно, закрыв глаза, представить, что на сцене юный стройный герцог, да еще и с чудным голосом. Но опера! По мне, Михаил Константинович, нынешние певцы должны петь оперы, как в концертах, но ни в коем случае не разыгрывать сцен. Порой при разыгрывании оперных сцен современными певцами случаются нелепейшие конфузы.

Вот, например, этот самый господин, наш сегодняшний кумир, в Мариинском театре разыгрывал с одной итальянской дурой пудов эдак семи «Похищение из сераля»...

«Что ты тут бормочешь, что ты тут лепечешь, датчанин несчастный, – думал полковник, ласково щуря глазки, кивая носом. – Меломан, видите ли, знаток! Опера ему нехороша, концерты подавай! Чухонец проклятый!»

Молодой подполковник прибыл из Санкт-Петербурга с поручением вроде бы незначительным и не особо спешным, но все местное начальство, а Караев в первую голову, понимало, что вояж этот инспекционного свойства, что выскочке этому предписано составить мнение о закавказских слугах порядка, об их рвении, умении, гибкости.

Караев был натурой властной, самолюбивой. Перед шаркуном столичным гнутья он не собирался, однако и не выказывал провинциального чванства, беседовал ласково, отечески, каждое словечко подвешивал и осматривал как бы со стороны – подойдет ли. «Полячишка» тоже, надо отдать должное, искусно вел игру – держался скромно, почтительно перед старшим по званию и возрасту, лишь моноклем напоминая, кто он таков.

Так вот они и беседовали третий день, прошупывая друг друга, проясняя, примериваясь. Вопрос ведь так еще стоял – кто на кого первым напишет.

– Я вам не надоел, Михаил Константинович?

– Помилуйте, Александр Стефанович, с преогромным любопытством слушаю вас.

– Ну-с, итальянку, кряхтя, уносит со сцены в замок десяток янычар, и она из замка поет божественным голосом. Прекрасно! На этом бы и кончить, но пылкий влюбленный, распевая арию, лезет по лестнице, башня скрипит, качается. Влюбленный прыгает на башню, башня рушится, а за нею и весь сераль, и перед изумленной публикой предстает итальянская примадонна в распушенном корсаже...

Полковник гулко поохотал, гулко, но умеренно:

– И все же согласитесь, Александр Стефанович, верхнее до у нашего гастролера великолепное...

– Согласен, Михаил Константинович. Слава этого артиста вполне закономерна. Я ведь только о своем личном вкусе говорил, о своих взглядах на вокальное искусство...

– Говорят, государь всем тенорам предпочитает этого. Так ли это? – Полковник чуть прищурился от удовольствия – вроде бы малость подловил паршивца.

– Да-да, – небрежно подтвердил Ехно-Егерн и этой небрежностью весьма полковника ущемил. – Кстати, Михаил Константинович, вам известно, что певец этот родной брат государственной преступницы?

– За что же мне жалованье платит имперская канцелярия, позвольте спросить? – в тоне Караева впервые что-то раздраженно звякнуло.

Ехно-Егерн весело рассмеялся.

– Простите, ваше высокоблагородие, за этой беседой я совсем и позабыл, что мы с вами одного ведомства. Я просто лишний раз подумал, как разноразлично складываются судьбы столь самых близких людей. Старшая сестра вот уже два десятка лет в Шлиссельбурге, а брат – благоухающий талант, любимец государя... Что же остановило молодого человека, что помешало ему вступить на опасный путь сестры?

– Вовремя понесенное сестрицей суровое наказание, – сказал полковник, – вот что остановило его. Может, что-нибудь еще и иное, но это прежде всего...

– Помилуйте, Михаил Константинович, мы-то с вами знаем множество противоположных примеров. Ну, вот вам... брат одного из казненных в 1887 году сейчас виднейший социал-демократ, вы знаете, о ком я говорю...

– Я бы предусмотрел какую-то степень наказания для членов семей государственных преступников, – с неожиданной мрачностью сказал полковник.

– Михаил Константинович! – воскликнул искренне изумленный Ехно-Егерн.

– Ну, не наказания, но какого-то пресечения, – поправился полковник. – В столицах должны понять – наш либерализм до хорошего не доведет. Тайно организованные силы ведут разрушительную работу в государстве.

Ехно-Егерн поставил свой бокал на инкрустированный столик и внимательно посмотрел на чуть покрасневшего полковника, с лица которого сползла наконец защитная маска добродушного хозяина. Вот наконец они и набрали на серьезную тему. Именно в этом направлении поручено было подполковнику прощупать настроения в провинциях. В Петербурге лучше, чем в Баку, было известно о силах, подтачивающих империю. Что делать, как обуздать крамолу? Искоренить ли одним решительным ударом или направить в другое русло, завести в трясину?

– Должно быть, вам известно, Михаил Константинович, что паровая машина снабжена обязательным клапаном, через который отходят излишки пара? – тихо заговорил он. – Такие клапаны предохраняют машину от взрыва...

– Понимаю, к чему вы ведете, Александр Стефанович... – начал было полковник, но молокосос мягким нажатием длинной нерусской руки остановил его.

– Я ничего не утверждаю, Михаил Константинович, я пытаюсь размышлять. Не ожесточаем ли мы молодежь неумеренными порой репрессиями? Возьмите позапрошлогодную историю с манифестацией у Казанского собора. Ну, пошумели бы студенты, покричали, в конце концов, во всех цивилизованных странах вполне спокойно относятся к таким эксцессам. Англичане даже считают, что демонстрации оживляют повседневность.

Кстати, один из резидентов нашей заграничной агентуры рассказал мне интересный случай. В Лондон приехал какой-то русский революционер. Как раз в это время проходила демонстрация докеров. Наш бомбист, конечно, не выдержал и вылез с речью перед «братями по классу». Долой, кричит, всех лордов и капиталистов, да здравствует власть рабочих!

Прямо перед ним цепочка английских полицейских, «бобби». Наш борец только раскаляется – он уже английские кандалы как бы примеривает... Все ему нипочем!

Ну-с, докеры ему аплодируют, а «бобби» молчат.

– В чем дело, – спрашивает бунтарь у своего товарища, опытного эмигранта, – почему они не заковывают меня в железо, не тянут в Тауэр?

– Вот если бы ты вздумал мять цветы на ближайшем лауне, – отвечает ему тот, – тогда бы тебя поволокли в кутузку. А так – сотрясай на здоровье воздух сколько твоей душе угодно...

Монокль взлетел и запрыгал под трель молодого здорового смеха. Караев еле выдавил из себя улыбку.

– В том-то и дело, голубчик, что русский мужик первым делом на лаун ваш... сами знаете что сделает, не говоря уже о наших азиатах. Ну а что касается англичанцев, – он нарочно, от злости сказал «англичанцев», – то они в Индиях своих не особенно-то церемонятся. Давно ли бурам-то кишки выпускали?

– Много справедливого есть и в ваших словах, Михаил Константинович, – продолжал провоцировать Ехно-Егерн, – но... – он наморщил лобик, изображая напряженную работу мысли, – но, понимаете ли, в среде молодежи формируется новый тип, тип разрушителя, бомбиста, фанатика... Это как бы каратель карателей. Суд на суд, расправа на расправу... В ответ на репрессию у Казанского собора Карпович смертельно ранит министра Боголепова, а Лаговский покушается на жизнь обер-прокурора Синода. В прошлом году мы потеряли министра внутренних дел. Качура стрелял в князя Оболенского, в этом году сразу после расстрела смутьянов в Златоусте убили губернатора Богдановича... И самое ужасное, что террорист, агитатор, революционер становится среди так называемой передовой молодежи популярной, любимой, если хотите, модной фигурой. Нет, Михаил Константинович, как хотите, с молодежью у нас неблагополучно. Одной дубинкой с ней уже не сладишь, нужно искать новые пути, нужно изобрести клапан...

И при этих словах Егерн извлек стекляшку из глазной впадины и выжидательно уставился на полковника.

Караев налился кровью, тревога стеснила грудь, но прошло полминуты, и отпустило... он с облегчением подумал:

«Ловишь, да не поймаешь! Есть у меня принцип, и никуда я от него не отойду! Не сшибешь, не запутаешь, норвежец малосольный!»

– Позвольте уж не согласиться с вами, – с некоторой даже сухостью начал он. – Да вы часом не либерал ли? Никаких клапанов нам изобретать не надо, а опыт нашим ведомством накоплен немалый, – конец этой фразы прозвучал весьма чуждо, самому понравилось. – Строгостью, строгостью, четырежды строгостью можно лишь уберечь нашу молодежь от пагубного влияния. Да вот вам пример! – оживленно продолжал он, бокальчиком тыча в зал, куда уже возвращалась из фойе публика. – Взгляните на господина в третьей ложе бенуара. Ну да, вон тот, что подвигает сейчас кресло даме...

Ехно-Егерн увидел стройного молодого мужчину, вечерний костюм обтягивал его фигуру, как перчатка. Мужчина сел рядом с дамой, что-то сказал ей, улыбнулся, тронул маленькую бородку. Дама взглянула на него и тотчас опустила глаза, как бы пытаясь скрыть смущение и нежность.

– Инженер Леонид Красин, заведующий Биби-Эйбатской станцией общества «Электрическая сила», – шепотом пояснял Караев. – Тоже в юности шалил и понес наказание, к счастью для него, достаточно строгое. И вот расстался с социалистическими бреднями, возглавил крупнейшее в губернии строительство. Вы бы видели, как работал, – ну просто американец! Вот что значит вовремя жилку подрезать, а вы говорите – клапан...

Красин не слушал певца. Даже ария Каварадосси, всегда волновавшая его, сейчас прошла только по границе сознания мутной полосой тревоги. Он думал о Любе. О Любе и о прошлом, о будущем, о Любе... Впервые они сидят в театре рядом, вдвоем, впервые им ничего не угрожает...

Заслонившись ладонью, он сквозь пальцы украдкой смотрел на ее поднятое лицо, на высокую шею с первой поперечной морщиной, на глаза, светящиеся неподвижным и словно бы печным счастьем. Он боялся шелохнуться, чтобы не вывести ее из этого блаженного оцепенения.

Когда они впервые встретились? Тринадцать лет назад, в 1890 году. И тот вечер час или полтора они просидели с Брусневым над сиротскими осклизлыми котлетами, рассуждая

о «Капитале», о российских противоречиях, о народниках... Столовая «Техноложки» была единственным местом, где можно не опасаться шпикиков.

Потом он вышел на Загородный проспект, увидел в конце его зеленый балтийский закат и захлопал по осенним лужам, подставляя лицо морскому европейскому ветру, чувствуя какую-то непонятную счастливую тревогу.

Через несколько шагов они встретились ему – шумная ватага, человек десять. Там были Кржижановский, Классон, какой-то субъект лет тридцати с внешностью вечного студента, отошедший уже в прошлое тип длинноволосого нигилиста, были там две-три девушки, и, когда взгляд Любы остановился на нем, он вздрогнул.

Да нет, вовсе он не влюбился в нее с первого взгляда. Толчок этот, мгновенную паузу сердца вызвало незнакомое ранее чувство проникновения сквозь время, смутное ощущение судьбы.

Классон и Кржижановский с хохотом включили его в компанию. Оказывается, направлялись все на квартиру к «нигилисту». Какой-то кавказец получил посылку, и вот намечалась вечеринка.

Было весело. «Враги унутренние – скубенты» всласть потешались над г-ном Деляновым, министром народного просвещения. Не забывали и тихого своего государя, у которого кроме игры на тромбоне была еще одна страсть – одеть всю Россию в форму. Кто-то читал приплывшее из Москвы стихотворение:

Царь наш юный – музыкант,
На тромбоне трубит,
Только царственный талант
Ноту «ре» не любит.

Чуть министр преподнесет
Новую реформу —
«Ре» он мигом зачеркнет
И оставит «форму».

В тот вечер они с Любой и словом не перемолвились, старались держаться друг от друга подальше, лишь смотрели втихомолку, и только уже в Нижнем, в ссылке, когда она приехала к нему связной от Бруснева...

Как молоды они были! Огромная Волга под откосом, музыка с пароходов...

Мурашки по коже, сцепленные пальцы, устремленные в мировую даль взгляды...

Порой, забывшись, слушая ее ломкий голос, он думал о счастье, которое ему преподнесла судьба. Как они смогли найти друг друга в людском море? Кто привел их на эту скамью? Люба – его избранница на всю жизнь... Мы думаем вместе и вместе мечтаем... глаза в глаза, пространство сужается, все исчезает, когда близко-близко дрожат ресницы, касаются твоей кожи... и счастье проходит по ней одной волной...

Когда что-то внешнее – побрякивание ли шпор, сытый смех за кустами, мимолетно брошенная скабрёзность, цоканье копыт, шелканье кнута, скрип петель, кошачий визг, гудки, музыка с пароходов – разъединяло их, отделяло друг от друга, все внутри сжималось, уходило в раковину, как улитка, хоть руки и тянулись, пальцы сцеплялись в отчаянии.

Твой милый образ незабвенный,
Он предо мной везде, всегда,
Недостижимый, неизменный,
Как ночью на небе звезда.

Да, оба они уже знали, что их любовь обречена. С достаточной трезвостью профессионала он видел впереди ссылки, этапы, подпольное существование, скудные рубли революционера. Они не имеют права на счастье, ибо...

«...Каждый из нас обязан быть готовым во всякую минуту с другими себе подобными кинуться туда, где сделана самая крупная брешь», – так он писал брату, уверенный, что брешь вот-вот будет пробита.

Столько лет прошло! Легкий запах парижских духов словно подчеркивает зыбкость этого счастливого оцепенения. Снова произошло немыслимое, они вместе. Когда другие женщины, красивые, гордые, милые, жалкие, появлялись в его жизни, ему казалось, что теперь-то он забыл свою избранницу навсегда! Всякий раз он говорил себе: «Кончено, с Любой покончено, она забыта навсегда». Много лет он внушал себе эту мысль, пытался обмануть себя, но судьба, оказывается, готовила им новую встречу.

Они встретились уже в том возрасте, когда знают, как недолговечно счастье, но пусть... пусть нельзя его удержать, зато она теперь с ним, и ее-то он удержит, со всей ее усталостью и памятью о прежних мужьях, с ее детьми, с ее обидами и робкой надеждой.

Дверь ложи чуть приотворилась.

– Леонид Борисович, вас к телефону со станции...

В директорской приемной он снял с рычага рожок микрофона. В наушнике слышался знакомый хрипловатый голос.

– Козеренко?

– Я, Леонид Борисович, вас здесь ждут.

– Кто?

Последовало короткое, но для Красина вполне красноречивое молчание, и Козеренко произнес:

– Приехал гость из правления фирмы.

«Касьяну или Игнату не ко времени. Значит, кто-нибудь повыше», – молниеносно подумал Красин.

Он вернулся в ложу, склонился к Любове Васильевне и тут заметил какой-то мгновенно промелькнувший лучик, – это блеснул монокль жандармского подполковника, взглянувшего на него из ложи напротив.

– Люба, меня вызвали на станцию, – достаточно внятно для соседей сказал Красин. – Там что-то случилось в котельной. За тобой заедет Козеренко или я сам, если управлюсь...

Он выпрямился и посмотрел через зал. Незнакомый подполковник с бесцеремонным, но доброжелательным любопытством разглядывал его. Знакомый же полковник Караев сердитым шепотом как бы пытался отвлечь соседа от такой неучтивости.

«Видно, столичный гость», – подумал Красин и быстро вышел из ложи.

Возле театра он разыскал свою коляску. Верный его оруженосец Дандуров покуривал трубочку, сидя на козлах.

– На станцию, Георгий, и побыстрее!

Он ловко прыгнул на подножку. Лошади тут же тронули.

Дандуров полуобернулся и молча посмотрел на Красина. Красин увидел глаз горца, освещенный огоньком трубочки. Дандуров чуть опустил веко, давая понять, что все понял.

Гость поднялся к нему навстречу из кожаного кресла, высокий, сутулый, с широкими худыми плечами; странноватый, как бы слегка отвлеченный взгляд, смутная улыбка. Член ЦК Носков!

Красин шагнул к нему, тряхнул за плечи.

– Владимир!

– Здравствуйте, Леонид, – тихо сказал Носков.

Такие встречи рассеивают сомнения, тревоги, лишний раз понимаешь, что ты не один, что вас, единомышленников, даже не десятки, не сотни, а тысячи, что вы организованы, сплочены, что вы – партия!

– У меня к вам много дел, Леонид Борисович, – покашливая в кулак, говорил Носков, – но главное – это «Нина».

– Вы хотите лично побывать там?

– Если это возможно...

Красин возбужденно прошагал по кабинету, заглянул в окно, в мазутную черноту, в которой маячило несколько огоньков.

– В таком случае, Владимир, – он повернулся к Носкову, – вам нужно прежде привести себя в порядок.

– В порядок? – удивился Носков. – Да мне казалось, что я настоящий денди! Видите – галстук, манжеты...

– На которых можно писать мелом, – усмехнулся Красин. – Небось, ехали-то третьим классом. Идем ко мне, побреетесь, перемените белье.

– Послушайте, Леонид, да у вас тут Европа, настоящее европейское предприятие! – с восхищением сказал Носков, оглядывая светящееся в ночи главное здание электростанции.

– Вам нравится? – воскликнул довольный Красин и тут же с большим энтузиазмом, с напором, крепко держа Носкова под руку и ведя его через двор, стал рассказывать о строительстве этой станции.

Носков, схваченный крепкой рукой, оглушенный потоком слов, только посматривал любовно на энергичный профиль Никитича. Этот человек ему очень нравился.

– Вы любите все это? – спросил он. – Стройку, промышленность, электричество?

Красин мгновенно остановился.

– Да-а, – протянул он после некоторого молчания, – я это люблю. Люблю почти так же, как свое главное дело...

...Они неторопливо ехали в коляске по набережной. В море мигали огоньки судов. Изредка появляющаяся среди туч луна освещала странный контур восточного города.

– Материалы съезда поступили сюда вовремя? – тихо спрашивал Носков.

– Да.

– Что вы думаете о расколе?

– Я на стороне большинства.

– Жму вашу руку. Вам известно о вашей кооптации в ЦК?

– В этом качестве я уже провел совещание в Кутаиси и встретился в Киеве с Клэр¹.

– О вашей работе во время июльской всеобщей стачки известно и дома, и за границей, – Носков кашлянул. – Вы просто молодчина, Красин.

– В июле было замечательно! – воскликнул веселым голосом Красин. – Власти были потрясены размахом событий. Безусловно, «Искра» разожгла бакинский костер. Мы опасались, что нефтяники ограничатся только экономическими требованиями, но они вышли с исковскими лозунгами.

– Недавно мне писали, Леонид Борисович, что Старик² отзывался о вашей деятельности весьма одобрительно...

– Это приятно, – проговорил Красин.

...Персидский ленивый ветер все-таки развеял тучи над Баку, и луна без помех уже заливала светом землю, когда Красин и Носков по узкой улочке подходили к дому, где размещалась подпольная типография «Нина». Белые глухие стены и резкие тени. Лай собак...

¹ Кржижановский Г. М.

² Ленин В. И.

Маленькую дворцу в воротах открыл уже предупрежденный Семен – Трифон Енукидзе. Он провел гостей через дворик, где пахло осенней травой, открыл еще одну дверь и уже в комнате, освещенной слабой керосиновой лампочкой, громко сказал:

– Добро пожаловать, товарищи!

Открылись двустворчатые двери большого шифоньера, пахло нафталином. Семен раздвинул руками какое-то тряпье, шагнул в шкаф и пригласил:

– Пожалуйста, сюда!

В полной темноте они спускались по узеньким крутым ступеням, и вдруг вся лестница залилась ярким светом: Семен распахнул дверь в просторное помещение, где на полу лежали два ковра, а под потолком висела калильная лампа.

Печатники отдыхали. Сильвестр Тодрия, сидя в углу, тихо наигрывал на гитаре. Вану Стуруа и Караман Джаши вдвоем читали какую-то книгу. Вану Болквадзе и Владимир Думбадзе играли в нарды.

Все они вскочили, когда распахнулась дверь.

– Никитича вы знаете, товарищи, – сказал Семен. – А это член ЦК товарищ Глебов ³.

Пока Носков знакомился с товарищами, Красин оглядел стены и с удовольствием отметил, что потайной ход в типографию совершенно не виден.

– Ну-ка, Владимир, попробуйте найти ход в типографию! – весело сказал он.

Перемигиваясь с печатниками, он наблюдал за попытками Носкова найти что-нибудь подозрительное. Носков развел руками.

– Учтите, товарищи, что Глебов – опытная подпольная крыса! Что же тут делать тупым жандармам! – посмеивался Красин. – Ну-ка, Семен, давай!

– Сезам, откройся, – сказал Семен, и часть стены прямо перед Носковым уехала вниз.

– Невероятно! – воскликнул Носков.

– По чертежам Никитича изготовлено, – похвалился Болквадзе.

Носков был поражен «Ниной», организацией работ, новенькой печатной машиной знаменитого Аугсбургского завода, техникой исполнения и внутренней дисциплиной. Он никак не мог отличить брошюру, изготовленную в Баку, от такой же, отпечатанной в типографии «Искры». Красин тоже не скрывал своего удовольствия. Он гордился «Ниной».

– Ничего удивительного, – объяснял он Носкову. – Шрифт мы заказываем в словолитне Лешака, а «искровскую» бумагу нам поставляют из Лодзи.

Посмеиваясь, Красин показал Носкову отпечатанную «Ниной» «Эрфуртскую программу» Карла Каутского.

– Неплохо? Один экземпляр мы послали автору. Геноссе был восхищен и растроган. Кстати, мы продаем эту книжку либералам и выручаем неплохие деньги.

После осмотра типографии состоялось совещание. Носков волновался, то и дело смахивал со лба редкие белокурые волосы.

– Товарищи, я благодарю вас от имени ЦК! Ваша типография – это... это всероссийская печка, она согревает весь наш пролетариат...

Затем начались разговоры о съезде. Большинство подпольщиков держалось ленинской линии, один лишь Караман Джаши сетовал по поводу раскола, говорил об авторитете Плеханова и Мартова, об аргументации меньшевиков. Товарищи темпераментно ему возражали, русская речь перебивалась грузинской, перед носом Джаши мелькали сложенные в характерную щепоть пальцы.

Красин глядел на бледные от подземной жизни лица друзей и думал о них с теплотой и гордостью. Какая духовная сила у этих людей, добровольно вычеркнувших себя из нормальной жизни, какая преданность идее!

³ Подпольная кличка Носкова. Семен в данном случае соблюдает правила конспирации.

В конце он сообщил печатникам самое главное:

– В Тифлисе наши товарищи перехватили провокатора. Из его слов видно, что охранка что-то пронюхала о «Нине», но пока не знает, что это такое – дама, лошадь или адская машина.

Нужно устроить меры предосторожности. Сейчас это особенно важно. После провала кишиневской и петербургской типографий ЦК принял решение сделать «Нину» центральной подпольной типографией партии...

Глава II

Ну-ка, сабелька моя

Зима 1903 года на Карельском перешейке началась свирепыми штормами...

По дороге на станцию приходилось чуть ли не кричать: сосны под зимним балтийским ветром скрипели, гудели, трещали, позванивали обледенелые веточки, порывы ветра несли через дорожки струи песка, смешанного со снегом, за краем ледяного припая ревел, накатывая белые валы, залив, – мирный Сестрорецк, казалось, стал средоточием всех стихий.

– Итак, Алексей Максимович, вы меня сводите с Морозовым через три дня?

– Да уж как договорились...

– Благодарю. Всего доброго.

Горький посмотрел вслед крепко идущему по перрону Красину и подумал:

«Вот новый тип революционера. Деловитый, энергичный, уверенный в себе. И никакого пафоса».

...Спустя некоторое время Красин был уже в Москве.

– Вам нравится это вино?

– Да, нравится, но лучше поговорим о вине после. Алексей Максимович, вероятно, передал вам суть нашего разговора?

– Да. Я могу давать двадцать тысяч в год. Это вас устраивает?

– Двадцать четыре тысячи устроили бы нас ровно на четыре тысячи больше.

Морозов засмеялся и поднял бокал:

– Итак, вам нравится это вино?

Центральному Комитету РСДРП

...Я по-прежнему настаиваю, чтобы сюда обязательно прислали Бориса, Митрофана и Лошадь ⁴, обязательно, ибо надо людям самим увидеть положение... а не плести лапти издалика, пряча голову под крыло и пользуясь тем, что отсюда до ЦК три года скачи не доскачешь.

Нет ничего нелепее мнения, что работа по созыву съезда, агитация в комитетах, проведение в них осмысленных и решительных (а не сопливых) резолюций исключает работу «положительную» или противоречит ей. В этом мнении сказывается только неумение понять создавшуюся теперь в партии политическую ситуацию...

Я думаю, что у нас в ЦК в самом деле бюрократы и формалисты, а не революционеры. Мартовцы плюют им в рожу, а они утираются и меня поучают: «бесполезно бороться!»... Либо ЦК станет организацией войны с ЦО, войны на деле, а не на словах, войны в комитетах, либо ЦК – негодная тряпка, которую поделом выкинут вон.

Поймите, Христа ради, что централизм разорван мартовцами бесповоротно. Плюньте на идиотские формальности, занимайте комитеты, учите их бороться за партию против заграничной кружковщины, пишите им листки (это не мешает агитации за съезд, а поможет ей!)... Руководите

⁴ Одна из подпольных кличек Красина.

войной с ЦО или бросьте вовсе смешные претензии на «руководство»...
утиркой плевков...

...Меня ничто не злит так теперь, как наш так называемый ЦК...

Старик.

(Написано в феврале 1904 г.)

Доклад в Московском электрическом и политехническом обществе об энергетических установках в Баку прошел блестяще, однако мысли недавнего докладчика, идущего по вечернему Арбату, были заняты отнюдь не проблемами электричества.

Завтра предстоит встреча с цекистами Носковым, Гальпериным и Кржижановским. Центральный Комитет должен наконец выработать свою решительную точку зрения на предложения Старика о созыве III съезда. Очень огорчительны эти бесконечные и как будто бы даже непримиримые раздоры в наших заграничных организациях. Центральный Орган, ставший вотчиной Плеханова, не стесняется в выражениях по адресу Центрального Комитета. Меньшинство требует полного разрыва с «раскольниками», Ленин призывает к войне с мартовцами и ЦО. Товарищам за границей кажется, что нет ничего важнее их борьбы друг с другом, борьбы, которая отсюда, из России, кажется не стоящей и выведенного яйца. Неужели они не понимают, в каких трудных условиях приходится вести здесь работу, налаживать связь, транспорт литературы, устраивать типографии, заниматься агитацией на заводах, доставать деньги...

Бороться сейчас за съезд – значит ратовать за оформление раскола...

А вдруг Ленин прав? Вдруг он именно в предвидении крутого исторического поворота хочет сколотить боеспособное крыло партии?

Нет, сейчас нельзя дробить наши силы, надо звать партию на борьбу с самодержавием, а не с Мартовым, после разберемся, кто лучший марксист, ЦК должен примирить враждующие стороны для того, чтобы партия могла с удвоенной энергией заняться практической положительной работой.

А работы этой столько, что дух захватывает. Удачно, что теперь можно будет на совершенно законных основаниях перебраться поближе к столицам. Молодец Морозов! Как он ловко легализовал мои с ним отношения!

Красин улыбнулся, вспомнив, как после доклада к нему пробрался, поблескивая узкими глазками, Савва Тимофеевич, представился, словно они незнакомы, и тут же предложил завидную должность на его предприятиях в Орехово-Зуеве. Промышленники и инженеры, собравшиеся вокруг докладчика, только многозначительно переглянулись – эва, сам Морозов!

От Старика Лошади личное

...Здесь был недавно Ваш «друг» ⁵ и обнадежил насчет Вашего приезда, но Нил ⁶ опроверг это известие. Крайне жаль будет, если Вы не приедете: это было бы во всех отношениях безусловно необходимо, ибо недоразумений тьма и они будут расти и расти, тормозя всю работу, если не удастся повидаться и обстоятельно поговорить. Напишите мне непременно, приедете ли и как относитесь к моей брошюре...

⁵ Постоловский Д. С.

⁶ Одна из подпольных кличек Носкова В. А.

...Если мы не хотим быть пешками, нам обязательно надо понять данную ситуацию и выработать план выдержанной, но непреклонной принципиальной борьбы во имя партийности против кружковщины, во имя революционных принципов организации против оппортунизма. Пора бросить старые жупелы, будто всякая такая борьба есть раскол, пора перестать прятать себе голову под крыло, заслоняясь от своих партийных обязанностей ссылками на «положительную работу»: пора отказаться от того мнения, над которым скоро дети будут смеяться, что агитация за съезд есть ленинская интрига.

Повторяю: членам ЦК грозит серьезнейшая опасность стать совсем отсталыми чудаками. У кого есть хоть капля политической чести и политической честности, тот должен перестать вилять и хитрить (это не удалось даже Плеханову, а не то что нашему доброму Борису ⁷!), тот должен занять определенную позицию и отстаивать свои убеждения.

Жму крепко руку и жду ответа

ваши Ленин.

(Написано в мае 1904 г. в Женеве.)

Сквозь густую листву светилось широкое окно, и видны были мужчины, сидящие за столом в вольных позах, без пиджаков и в расстегнутых по случаю жары жилетах. Они были очень увлечены своей серьезной и неспешной беседой, барабанили пальцами по столу, курили. Иногда появлялась в комнате милая дама, наливала чаю, подкладывала варенья. Собеседники тогда что-то говорили ей, она что-то отвечала им, смеялась и выходила из комнаты с не погасшей еще улыбкой.

Случайный зритель подумал бы, вероятно, что за столом этим собрались сочлены какого-нибудь научного или коммерческого общества, а может быть, и просто друзья, склонные к размышлениям вслух, может быть, просто за столом идет столь обычный для России тех лет бесконечный интеллигентский чай на тему о смысле жизни, о народе, о долге перед народом, о религии, о литературе, о невероятном летательном аппарате с двигателем внутреннего сгорания – «уж не прообраз ли, милостивые государи, стальных птиц Апокалипсиса?»...

Что касается неслучайного зрителя, человека по долгу службы не в меру любопытного, то ему пришлось бы трудновато: очень густы были кусты перед домом, к тому же у забора палисадника протянута была тайная проволока с банками, и неслучайный зритель поднял бы, пробираясь к окну, ужаснейший шум, и в довершение всех бед он, этот любопытствующий бедняга, рисковал быть пойманным за шиворот в темноте чьей-нибудь весьма крепкой рукой. По всему по этому несчастному оставалось лишь догадываться о теме разговора за этим уютным столом.

Между тем обсуждалась «июльская резолюция» ЦК, и участниками обсуждения были Носков, Красин, Гальперин.

– А не наломали ли мы дров, братцы?

– Послушайте, партии сейчас необходимо единство, как никогда. Социал-демократии сейчас угрожают две опасности. Первая – дикий угар квасного патриотизма, связанный с войной...

– Я полагаю, что угар этот скоро развеется стараниями наших доблестных генералов и адмиралов.

⁷ Носков В. А.

– Вторая опасность – это то, что мы из-за нашего внутреннего раздора окажемся в последних рядах революционных сил. Посмотрите, как активизировались эсеры. Евгений Шауман смертельно ранил финляндского генерал-губернатора, Сазонов казнил Плеве. Как бы мы ни отвергали тактику индивидуального террора, эти акты бешеной смелости и самопожертвования производят очень сильное впечатление на общество, а особенно на молодежь. Наконец, эсеры начали проникать в нашу заповедную область – в рабочее стачечное движение. Если мы углубимся в наши раздоры, мы отдадим рабочих эсерам и гапоновскому «Собранию». Нам нужно идти сейчас на заводы, а не заседать на съездах в далеких палестинах.

– Однако за съезд выступили Одесский, Екатеринославский, Тверской, Петербургский, Кавказский и Сибирский комитеты партии.

– Это работа Старика.

– Старик был взбешен нашим признанием кооптации в ЦО Аксельрода, Засулич и Потресова. Доходят слухи, что он метал на наши головы целые охапки молний.

– Пусть так. Я предпочитаю носить кличку Примиренец, чем называться раскольниковом.

– Стараниями Старика в Женеве открыто самостоятельное издательство.

– Тем более пора их ограничить!

– А не наломаем ли мы дров, товарищи?

– Нет, не наломаем.

– Итак, мы осуждаем агитацию за III съезд, ограничиваем обязанности Старика как заграничного представителя ЦК только обслуживанием литературных нужд ЦК, исключаем из ЦК Землячку и кооптируем Любимова, Карпова и Дубровинского...

– Все трое – молодцы-примиренцы!

– Все-таки не наломали мы дров, друзья?

– Послушай, Леонид, что ты заладил со своими дровами? Уже не смешно!

– Хорошо, я попробую сейчас возражать при помощи аргументации Старика. Просто для того, чтобы сфокусировать другую мысль, хотя она и так уже выражена с предельной четкостью. Итак, мы обманываем сами себя, думая, что восстанавливаем единство партии. На самом деле мы идем на поводу у Мартова и Плеханова. Наша деятельность может привести к тому, что перед лицом решительных событий мы из боевой революционной партии превратимся в партию межеумочную, в конгломерат кружков говорунов-теоретиков. Чем вы ответите на это?

– Ответить на это можно, только повторив наше сегодняшнее собрание с самого начала.

– Значит, надо новый самовар ставить.

– А для этого надо нарубить дров. Наломать побольше дров!

Они так громко расхохотались, что хозяйка дома, испуганная, заглянула в дверь.

– Вы что, есть захотели, товарищи?

*Заявление и документы о разрыве
центральных учреждений с партией⁸*

В № 77 «Искры» три члена Центрального Комитета, говорящие от имени всего ЦК, вызывают на третейский суд тов. Н «за ложное заявление с целью дезорганизовать партию»... Я считаю себя вправе и обязанным принять участие в третейском разбирательстве, выступая с следующим обвинением против членов ЦК Глебова, Валентина и Никитича.

⁸ Написано В.И. Лениным.

...Я обвиняю их в том, что они употребили власть, полученную ими от II съезда партии, на подавление общественного мнения партии, выразившегося в агитации за III съезд... Они не имели никакого права распускать Южное бюро за агитацию за съезд. Они не имели ни формального, ни морального права выносить порицание мне, как члену Совета партии, за подачу мной в Совете голоса в пользу съезда...

...Они не имели никакого права отказывать мне в сообщении протоколов Совета и лишить меня, без формального исключения из ЦК, всех и всяких сведений о ходе дел в ЦК, о назначении новых агентов в России и за границей, о переговорах с «меньшинством», о делах кассы и пр. и пр.

...Они не имели права кооптировать в ЦК трех новых товарищей (примиренцев), не проведя кооптации через Совет, как того требует устав партии в случае отсутствия единогласия, а единогласие отсутствовало, ибо я заявил протест против этой кооптации.

ГАЗЕТЫ, АГЕНТСТВА, ХРОНИКА

1/I 1905. Бомбой взорван дом губернатора в Смоленске.

2/I. Неудачное покушение в Москве на Трепова.

3/I. Начало забастовки на Путиловском заводе. Депутация от 12 000 рабочих предъявила градоначальнику Фулону требование уволить директора завода Смирнова.

ПРИКАЗ ПО АРМИИ И ФЛОТУ

Порт-Артур перешел в руки врага. Одиннадцать месяцев длилась борьба за его защиту. Более семи месяцев его доблестный гарнизон был отрезан от внешнего мира. Без твердой надежды на помощь, безропотно перенося все лишения осады, испытывая нравственные муки по мере развития успеха противника, не щадя жизни и крови, сдерживала горсть русских людей яростные атаки врага.

...Мир праху и вечная память вам, незабвенные русские люди, погибшие при защите Порт-Артура. Вдали от Родины вы легли костями за Государево дело, исполненные благоговейного чувства любви к Царю и Родине...

Доблестные войска Мои и моряки! Да не смущает вас постигшее горе!.. Сокрушаясь и болея душой о наших неудачах и тяжелых потерях, не будем смущаться. В них русская мощь обновляется, русская сила крепнет, растет.

Со всей Россией верю, что настанет час нашей победы и что Господь Бог благословит дорогие Мне войска и флот дружным натиском сломить врага и поддержать честь и славу нашей Родины.

На подлинном Собственного Его Императорского Величества Рукою
написано

Николай.

Опытный садовник-пчеловод, одинокий, с 17-летней практикой, с рекомендациями и отличной аттестацией, ищет место годично. Всевозможные работы выполняет добросовестно и аккуратно по весьма умеренной цене. На выставках удостоен разнообразных наград.

6/I. Во время водосвятия на Неве пушка, которая должна была произвести холостой выстрел, выстрелила картечью по помосту, где находился Царь.

8/I. Депутация петербургских литераторов и общественных деятелей направляется к Витте и Святополку-Мирскому с просьбой остановить надвигающееся побоище.

9/I. В столице не вышла ни одна газета.

* * *

Драгун Дмитрий Петунин человек уж восемь свалил замертво да десятка три покалечил. Было это в устье Миллионной, на краю Марсова поля. Содрогаясь от омерзения, но распаляя себя ненавистью, Петунин убивал врагов отечества направо и налево.

Брызги вражьей крови попадали на розовые круглые щеки, на торчащие пшеничные усики и даже в голубые остекленевшие от ярости глаза Петунина.

Вокруг деловито рубал его полувзвод. Кони дыбились, ржали, солдаты смачно крякали. «Витязи, богатыри былинные!» – захлебнулся в коротком рыдании Петунин.

А толпа все прибывала, перла...

Много народу куплено длиннопатлыми...

Красавчики... умники... кровь сосущие... селедкой провоняли... социализмы окаянные... ну-ка, сабелька моя, поработай, поработай... государя душисть... кровь сосать... хитрые, коварные... золотом набитые японским... по черепу... по уху... красные прихвостни... гадина проклятая... иконками прикрываетесь православными... в живот и глаз... наймиты английские... наследника нашего душисть... вижу, главный хриstopродавец Максим Горький... сейчас в ухо... в голову саблей достану...

Марсово поле было черным, а вокруг все мельтешило, мелькали пятна снега и крови, распоротые овчины, бабьи платки, шапки, оскаленные рты, кулаки и глаза...

Красин с подножки коночного вагона увидел вдруг в толпе, в самой непосредственной близости от драгун, голову Горького, волосы из-под меховой шапки, моржовые усы. Рядом с ним, блестя полубезумными глазами, что-то кричал красивый кудрявый человек, кажется Бенуа... К ним пробивался через толпу мальчишка-драгун с крутящейся саблей над головой. Видно было, что он визжит от каких-то собачьих чувств. Должно быть, он думает, что Горький и Бенуа – главари. Он может покалечить их, убить!

Красин прыгнул с подножки на чьи-то плечи, с трудом опустился на землю.

– Господа, там Максим Горький! – закричал он. – Товарищи, там Горький! Спасите его!

Он бешено заработал локтями, но продвинуться не удалось ни на метр.

Толпа сносила его в сторону Летнего сада. В хаосе перемешались манифестанты и любопытные. Сквозь пар, клубящийся над городом, тускло светилась петропавловская игла. Красин уже потерял из виду Горького и Бенуа. Позади слышались рыдания. Он оглянулся и вздрогнул от ужаса: за плечом какого-то рабочего рыдало рассеченное лицо. Лицо рыдало от непоправимости того, что с ним произошло.

– Платок! Возьмите платок! – закричал не своим голосом Красин. Он чувствовал, что нервы отказывают ему.

Кто-то схватил белый платок, передал назад. Движение ускорилося, словно неведомая сила подхватила толпу и понесла ее вдоль Лебяжьей канавки, за которой в голубом и белом спокойствии стояли деревья и зашитые досками скульптуры Летнего сада. Со стороны Дворцовой площади донесся мощный ружейный залп.

– Господи! Что они с нами делают?

– Драгуны, псы! Русские вы аль нет?

– Палачи кровавые! Собаки!

- Вы бы так с японцами воевали!
- Мальчонку, мальчонку задавили!
- Убийцы! Сволочи! Бейте!
- Как скот режут!

Пехота зябла. После второго залпа ее работа, собственно говоря, была окончена. Пехотинцы прыгали, толкались, пытались согреться, обменивались шутками.

- Бухтин, Бухтин, чего рот разинул? Чичас галка залетит!
- Бухтин, Бухтин, вухи-то потри! Чичас отвалятся!
- Штаны-то подтяни! Эй, Бухтин!

Драгуны медленно, но верно отодвигали толпу от Троицкого моста. Пехотинцы спорили, сколько народу осталось на снегу – за сотню или меньше. Стали считать – выходило за сотню.

- Виктор, видишь драгуна? Больше всех старается. Попробуй-ка ему засветить!

Камень, пущенный с крыши двухэтажного дома, угодил Петунину по шапке. Даже не вскрикнув, тот свалился на шею коня. Конь прынул в сторону, вынес седока в боковую улицу...

Красин бежал в толпе по набережной Мойки. Возле одного дома группа молодых рабочих и студентов выворачивала булыжники из мерзлой мостовой. Он обрадовался – наконец-то сопротивление! Ярость колотила его. Он оглянулся – поблескивающий сабельками строй всадников быстро приближался.

Чьи-то руки обхватили Красина, потащили под арку дома.

- Вы с ума сошли? Не хотите до революции дожить?

Кандид (Кириллов) и еще один партиец, фамилии которого Красин никак не мог припомнить, долго влекли его по проходным дворам, где в подъездах перевязывали раненых. Наконец они вышли на Невский к углу Садовой.

Между тем Петунин в беспамятстве скакал по Петербургу, словно майнридовский всадник без головы. Каким-то чудом он не выпадал из седла, а конь его петлял по улицам в тщетных попытках набрести на родные, единственно любимые запахи конюшни, овса, своего лошадиного, теплого, ибо хоть он и был боевым конем, но запаха крови и пороха не любил.

Наконец Петунин очнулся и обнаружил себя на набережной какого-то канала. Вокруг не было ни души, а многочисленные замерзшие окна еще усиливали ощущение одиночества. Петунин испугался: местности он не узнавал. Оглянувшись, он слегка приободрился. Вдалеке несколько казаков гнали небольшую толпу. Это происходило в полной тишине – звуки оттуда не доносились. Вдруг рядом гулко бухнуло – треснул лед канала. Петунин даже задрожал. Он развернул коня и погнался вслед за казаками.

Казаки уже догоняли злосчастных инсургентов, когда те вдруг скрылись в каких-то дверях. Вот хитрое семя!

– Гей! – крикнул Петунин, как бы подбадривая казаков, но те в этом и не нуждались: сорвав двери, разбив стекла, прямо на конях ворвались они в трактир, где пытались найти спасение злодеи.

Когда Петунин подскакал и заглянул в трактир, все уже было кончено. Пол был завален телами в черном грязном тряпье, за разбитым буфетом лежал икающий в полубеспамятстве трактирщик. Казаки по одному выезжали на набережную. Из карманов у них торчали головки бутылок. Один из казаков дул водку прямо из горлышка.

- Молодцы, казаки! – крикнул Петунин.

– Стараемся, ваше благородие, – с ленивой нагловатой улыбочкой ответил казак и отбросил опорожненную бутылку.

Казак поскакали дальше. Звук копыт, бьющих по обледенелой мостовой, удалялся, а Петунин все не мог тронуться с места. Он переводил взгляд с одного неподвижного лица на другое, и ужаснейшая мысль терзала в этот момент все его существо: «Нет, не похожи они на антихристов...» Конь его переминался с ноги на ногу перед открытой дверью и разбитыми стеклами разгромленного трактира, когда в глубине зала скрипнула дверь, и порог переступил румяный юноша высокого роста и богатырского сложения. Одет он был в короткую шубу грубого, уж не волчьего ли, меха и в меховые высокие сапоги. Шуба была открыта на груди, и там виднелись полосы флотского тельника. Поблескивая ясными глазами, перешагивая через убитых, юноша направился прямо к Мите Петунину, а тот тронуться с места не мог, словно замороженный.

– Попался, мясник, – с веселой улыбкой сказал юноша, когда подошел вплотную к конской морде. – Слезай!

Петунин трясущейся рукой схватился за шашку, но тут запястье его сжали словно стальные клешни. Шашка, зазвенев, упала на мостовую, и Петунин сам оказался выброшенным из седла и лежащим на льду.

Он тут же вскочил, но юноша ясноглазый мгновенно налетел, ребром ладони ударил Митю в горло, тычком ладони – под ложечку и за воротник поволок обмякшее тело в глубь трактира.

Лихач на дутых шинах резво катил по правой стороне Невского к Адмиралтейству. Нахлобучив меховую шапку и уткнув нос в воротник, Красин безотчетно считал выплывающие из дымной морозной темноты газовые фонари в оранжевых кругах. Его трясло. Он испытал чувство биологической ненависти, и именно от этого чувства его сейчас трясло.

Ближе к Дворцовой на тротуарах все чаще попадались неуклюжие фигуры дворников. Пешнями они откалывали окровавленный лед, скребли лопатами тротуар, поливали кипятком из ведер.

У Адмиралтейства лихача приостановил конный патруль. Казачий офицер внимательно посмотрел на Красина, махнул рукой – проезжай! Барин в хорьковой шубе не вызывал подозрений. Красин оглянулся – казаки, покачиваясь в седлах, удалялись, стройные и словно бы удлинненные в красноватой рассеянной тьме. Может быть, он и убил бы их всех, будь у него сейчас в руках пистолет. Может быть, это принесло бы облегчение...

Такого с ним не было даже в юности. С самого нежного возраста твердо и сознательно он чувствовал себя врагом этого строя. В семье постоянно присутствовал дух разлада с обществом лицемерия и казенщины. Отец, человек недюжинного ума, правдолюбец, получал постоянные удары, обидные щелчки и ошеломляющие зуботычины, прозябал на жалких должностях, и боль за отца утвердила в душе мальчика протест против творимой в мире несправедливости. Мать, волевая и резкая женщина, в отличие от молчуна отца нередко высказывала свои опасные мысли вслух. Она не только не боялась, что «дети услышат», а, напротив, словно нарочно хотела, чтобы дети вырастали в гордыне и непокорстве.

О социализме Леонид впервые услышал в Тюмени от тех молодых людей, которых в столичных либеральных салонах называли «цветом России, гниющим в тундрах». Таким образом, он приехал в Санкт-Петербург уже полностью созревшим для «крамолы» и поступил в «гнездо крамолы» – Технологический институт, да и сдружился там сразу же с марксистом Брусневым. Изучение истории, экономики, трудов Маркса принесло ясное сознание того, что несправедливый этот строй обречен. Вот уже шестнадцать лет он работает на революцию, работает уверенно и спокойно. Спокойствие это не покидало его даже в тюрьмах, в одиночном заключении. По-всякому он относился к своим врагам, власть предержащим, –

с презрением, с жалостью, как к недоумкам, с насмешкой, порой даже с ненавистью, но... не с такой ненавистью, как сегодня, ненавистью ослепляющей, воющей ненавистью, когда хочется казнить палачей немедленной и лютой казнью, хочется делать то же, что делают они.

Это ужасно. От этих чувств социал-демократ должен быть свободен. Ненависть не должна ослеплять разум социал-демократа – ведь в мире все развивается по законам уже открытым, научным и непреклонным. Социал-демократ – это техник, обслуживающий машину истории. Ишь ты, красивая фраза! Представляю, как высмеял бы ее Ленин, попадись она ему в какой-нибудь статейке новой «Искры». Техник, обслуживающий машину истории... Машина, мол, сама крутится, а мы только маслица подливаем. Хорошо, что я практик, а не литератор, и мне не нужно высказывать свои мысли в печатной форме.

Промчались мимо знаменитого дома, где «с поднятой лапой, как живые, стояли львы сторожевые»... Дальше – громада Исаакия, словно напоминающая о том, что империя, воздвигшая оную громаду, простоит вечно... Сенатская площадь, Медный всадник с шапкой снега на голове... Какой путь прошла Россия от жалкого кулачка Евгения, от его невнятного «ужо тебе» до их партии, что бросает теперь вызов этому разбухшему, ожиревшему гиганту, русскому самодержавию... Бросает вызов, в этом уже нет сомнения. Неслыханные дела скоро стрясутся на Руси!

Но давай-ка посмотрим правде в глаза и назовем вещи своими именами. Сегодня все стало ясно: предстоит бой, война не на жизнь, а на смерть, и, именно предполагая этот бой, ратовал Ленин за скорейший созыв съезда. Да, вот в чем отгадка: им, «примиренцам», казалось тогда, что они возвышаются над партийным раздором, смотрят дальше «поссорившихся товарищей»... Ленин смотрел еще дальше, он уже видел этот день. В бой должны идти солдаты, а не компания ораторов. В этом главный смысл дела. «Примиренчество» обанкротилось!

...В прихожей Красина встретил Гальперин. Безотчетно они схватили друг друга за плечи, заглянули друг другу в глаза.

– Ну-с, дружище, – проговорил Красин, – теперь ты видишь, что мы были не правы. Прав Старик, трижды прав. Нужно собирать съезд.

Дверь в комнату была открыта, и там стоял шум, слои папиросного дыма пересекались энергично жестикулирующими людьми.

«В сущности, мы все еще довольно молоды», – с неожиданным приливом бодрости подумал Красин.

Всю ночь стонали и бредили в городе Санкт-Петербурге несколько тысяч раненых. На следующий день заказчики получили тысячу гробов.

ГАЗЕТЫ, АГЕНТСТВА, ХРОНИКА

В воскресенье 16 января на Семеновском плацу – рысистые испытания. Розыгрыш приза в память почетного члена св. кн. В. Д. Голицына.

Волна митингов протеста против побоища 9 января прокатилась в Лондоне, Берне, Париже, Мюнхене и в других городах Западной Европы.

Закрытие гапоновского «Собрания русских фабрично-заводских рабочих».

Арест делегации литераторов к Витте и Святополку-Мирскому. В Риге арестован и препровожден в Петропавловскую крепость Максим Горький.

Заккрытие высших учебных заведений в Петербурге.

Баррикады в Варшаве. Начало всеобщей стачки в Москве, Ярославле, Ковно, Вильно, Ревеле, Саратове, Киеве, Риге, Минске, Могилеве.

Конференция всех социал-демократических организаций России выработала обращение «К пролетариату всей России» с призывом к «решительным действиям против самодержавного режима».

Забастовка в Орехове-Зуеве.

Членом боевой организации партии с.-р. Каляевым убит бывший московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович.

Массовое избиение черносотенцами и лабазниками студентов в Казани.

Армяно-татарская резня в Баку.

Сражение под Мукденом, закончившееся поражением русской армии.

19 января в Зимнем Его Величества Дворце собрались 34 представителя рабочих различных заводов и фабрик. Эти представители проследовали из Зимнего Его Величества Дворца на Царскосельский павильон, откуда в экстренном поезде были перевезены в Царскосельский Александровский Дворец, где и выстроились в ожидании выхода Государя Императора в Портретном зале.

Ровно в 3 часа к рабочим вышел Его Императорское Величество Государь Император в сопровождении министров...

Его Величество Государь Император осчастливил депутацию рабочих столичных и пригородных заводов и фабрик в Александровском Дворце Царского Села милостивыми словами. После речи, обращенной Его Величеством к рабочим, произведшей сильное впечатление, рабочие низко поклонились...

Довольные, счастливые, с веселыми лицами возвращались рабочие в Петербург, унося неизгладимое навеки впечатление о Царском приеме и твердо запечатлев Царевы Слова.

«СПб. ведомости».

...Мы вступили в полосу страшных политических бурь... На преступлениях и жизни ближних безумные, фанатичные люди пытаются создать какое-то более чем проблематичное, лучшее будущее.

...Сын Царя-Освободителя убит среди бела дня у самого Кремля, как раз в тот исторический момент, когда все общество ждало вешего призыва с вершин Престола...

...Брызги крови, пролитой иступленными врагами всякого порядка в Империи, опять кладут несмываемый след на переживаемое нами невозможное по своей тревожности и напряженности время. Партийная борьба, внутренние раздоры, изнуряющие и позорящие Россию в годину боевых неудач, тяжелое и болезненное состояние умов, омертвление национально-патриотических чувств... все точно сливается в один беспросветный туман, из которого тщетно ищешь скорого исхода. Только бы Бог поддержал в столь тяжкие минуты болящего за Родину Государя, одарив Его крепостью смелее и тверже, чем когда-либо, взглянуть вперед!..

«СПб. ведомости».

Додумался!

Помещик Елецкого уезда некто С-въ, человек с образованием, придумал оригинальный способ утилизировать крестьянскую силу: он закладывает крестьянских «девок» в сохи и пашет на них землю под свеклу...

Опытный садовник-пчеловод, одинокий, с 17-летней практикой, с рекомендациями и отличной аттестацией, ищет место годично. Всевозможные работы выполняет добросовестно и аккуратно по весьма умеренной цене. На выставках удостоен разных наград.

«СПб. ведомости».

Глава III

Ночи этой не было конца

Снег большими хлопьями заваливал Большую Никитскую. Начинало смеркаться, и в окнах магазинов зажигались уже огни. Москва, обжитой, скрипучий дом, в этот теплый день устоявшейся зимы была особенно уютной.

Два студента, один в распахнутой шинели, а другой застегнутый на все пуговицы, шли по мостовой и по обычаю тех лет оживленно спорили.

Лишь на минутку, возле консерватории, когда сквозь замазанные рамы этого учебного заведения донеслось разноголосое пенье скрипок, сольфеджио и фортепьянные пассажи, лишь на минуту студент-аккуратист отвлекся от спора, распустил узел морщин, собравшийся на лбу, улыбнулся как-то очень по-детски, поднял румяное, обтянутое тугой кожей лицо, увидел какую-то барышню, тут же прикрывшую муфтой носик, улыбнулся еще раз, что-то суматошно и радостно пикинуло в его душе, но только на минутку.

Его спутник не унимался вовсе. Он размахивал руками, заглядывал в лицо собеседнику и даже в лица встречаемых, словно приглашая их принять участие в споре.

– Значит, ты считаешь, что экономика сама по себе коренным образом изменит общество?

– Я в этом убежден.

– Значит, все десятилетия борьбы были напрасны?

– Перестань орать!

– Но так или нет?

– Борьба эта может разрушить все, что создано, и отбросить страну на десятки лет назад.

– Значит, сиди и жди, когда правительство, восхищенное развитием экономики, дарует нам европейскую конституцию?

– Ты можешь не орать? Полемизируй вон с городовым, если не можешь говорить нормально.

Студенты эти были родные братья Павел и Николай Берги. Возвращались они с благотворительного концерта «в пользу недостаточных курсисток». В концерте этом принимали участие знаменитые артисты, в том числе Федор Шаляпин, в зале был цвет московской интеллигенции, писатели Леонид Андреев, Скиталец, Бальмонт, актеры МХТа, крупные адвокаты, профессора и даже несколько промышленных тузов – Савва Морозов, например, и вот они – юные Берги...

Все, не исключая тайных и явных филеров охраны, отлично были осведомлены, что сбор, весьма солидный, идет на сей раз не курсисткам, а в пользу боевых революционных партий. После 9 января вместо ожидаемой депрессии в стране распространился какой-то энергический дух, все чувствовали, что время петиций, деклараций и благотворительных деяний прошло, что вот-вот грянут события.

– Послушай, Коля, – Павел Берг заговорил потише, – ведь ты же сам говорил, что даже электротехника не может развиваться при абсолютизме... Ведь говорил же?

– Я и сейчас так считаю, – ответил Николай, – и уверен, что в конце концов абсолютизм сдаст свои позиции. Электротехника нужна нашему обществу больше, чем обветшалый государственный строй.

– Сдаст позиции! В конце концов! – возмущенно воскликнул Павел. – Он будет уничтожен еще в этом году одним ударом рабочего кулака!

– Сейчас мы окажемся в участке, – спокойно сказал Николай. Он приостановил брата и застегнул на нем шинель. – Возможно, что он и будет уничтожен одним ударом, Павел, но вместе с ним будет уничтожена и наша маленькая электротехника. Начнется анархия, Павел, обвалятся железнодорожные насыпи, заржавеют паровозы, затянутся паутиной...

– Может быть, так и произойдет, – с неожиданной задумчивостью произнес Павел, – но на развалинах этих, Коля, возникнет новая, великая демократическая и социалистическая Россия. Все передовые люди, кроме тебя, это уже понимают.

– Неправда! – теперь уже слегка воспламенился Николай. – Есть множество по-настоящему передовых и образованных людей, которые держатся моей точки зрения. Сегодня я познакомился с инженером Красиным...

– А, это тот, с которым я схватился! – воскликнул Павел. – Толковый, толковый...

– Не то слово – толковый. Это замечательный инженерный ум. В прошлом году в Политехническом обществе я слышал его доклад о бакинских электрических установках. Блестящий человек! А что он сейчас устраивает у Морозова в Орехове-Зуеве! Какие турбины устанавливает!

Николай Берг говорил все громче, с нарастающим жаром.

– Да, незаурядная личность, – согласился Павел. – Я слышал о нем. Жаль, что он не с нами, но... – Павел схватил брата за руку. – Но уверен, Коля, что и ты, и Красин встанете в скором времени на позицию нашей партии! Ведь мы же опираемся на научные законы! На законы того же экономического развития!

– Ближайший участок – на Малой Бронной, – бесстрастно произнес Николай.

– О чем ты мечтаешь, Коля? – вдруг с пылающими глазами спросил Павел. – Ты такой же сумасшедший, как я, мы оба в деда, не то что девочки... О чем ты мечтаешь?

– Я мечтаю строить! – крикнул Николай. – Не так, как дед, не для мощны, а для России. Понимаешь? У нас уже сейчас самая длинная железнодорожная сеть в мире! Разве это плохо? Но какая отсталость в машиностроении, Павел, какая отсталость! Сколько нужно строить! Верфи для кораблей, электростанции, доменные печи, автомобильные заводы – да-да, не удивляйся – автомобилю принадлежит будущее! Думаю я, что и воздухоплавание, авиация будут развиваться у нас в России быстрее, чем в Европе. Летом в Одессе я познакомился с молодыми людьми, которые, продав все до нитки, выписали из Франции аппарат «Блерио» за десять тысяч рублей. Представьте себе, кондовую Русь тянет в воздух!..

Николай Берг осекся вдруг, как человек, нечаянно разболтавший что-то очень личное, смущенно отвернулся и, шевеля губами, стал смотреть на слабо светящийся запад, за контуры низких крыш.

– А ты о чем мечтаешь, Павлуша? – тихо спросил он.

Павел обнял его за плечи.

– Я мечтаю о революции!

– А о Наде?

– Да, конечно, о Наде и о революции! Вернее о революции и о Наде... Вернее... Это для меня вместе... Понимаешь?

– Да, понимаю... Для тебя это неразделимо...

Разговаривая на эти интересные темы, братья давно бы дошли до Поварской, до своего дома, если бы они шли, но в том-то и дело, что они давно уже не шли, а стояли на Никитском бульваре, возле ствола крепенькой пушистой от снега липы.

В третий раз мимо них тихо протопал городской 111 разряда Дормидонт Ферапонтыч Луев.

– Прошу не скопляться, господа студенты, – боязливым баском сказал он и малость откатился в сторону – еще шарахнут чего-нибудь!

– Прошу прощения, господин городской! – тут же заорал Павел. – Ах, как мы подло, непростительно безобразно скопились! – он оттолкнул Николая. – Этого никогда не повторится, господин городской.

С хохотом студенты двинулись к Арбатской площади. Инцидент для Ферапонтыча окончился благополучно.

В этот момент двое мужчин в таком же приятном, теплом снегопаде двигались по Мясницкой к Чистым прудам. В буфете «благотворительного» концерта они пропустили по две-три рюмки, хорошо закусили и сейчас двигались не торопясь. Николай Евгеньевич Буренин провожал Леонида Борисовича Красина на вокзал. У обоих были основания для отличнейшего настроения: концерт прошел превосходно, сборы превзошли ожидания, касса увезена и скрыта в безопасном месте.

Разговаривая на легкомысленные темы, обращая несколько преувеличенное внимание на встречаемых дам, два джентльмена миновали почтамт и свернули на чистый снежный бульвар, оставив за спиной сутолоку Мясницкой. Шагов через сто Красин оглянулся – аллея была пуста. Можно было обратиться и к более серьезным темам.

– Что ни говорите, Леонид Борисович, а либерал для нас отличная дойная корова, – сказал Буренин.

– Выразились вы довольно точно, – сказал Красин, искоса взглянув на своего спутника.

Николай Евгеньевич, пианист, был правой рукой Красина, одним из самых активных и надежных членов недавно созданной Боевой технической группы РСДРП. Группа эта была создана партией сразу после Кровавого воскресенья. Люди редкого мужества, стойкости и надежности, «боевики» должны были охранять собрания, митинги и манифестации от черной сотни и полиции, транспортировать литературу и оружие, готовить рабочих к будущим боям.

– Либерал для революционера именно дойная корова, но на боевой союз с коровой рассчитывать не приходится. Вот я вам расскажу один курьез, – Красин сумрачно усмехнулся, – и вы увидите истинное лицо либерала.

Вечером 9 января в Петербурге, в Вольном экономическом обществе, собрался «цвет» столичной журналистики, адвокатуры, наиболее либеральные гласные думы, профессора, врачи, инженеры – словом, публика, подобная сегодняшней. Вопрос один – как быть, что делать? С тем же вопросом явилась в это общество небольшая депутация растерянных и подавленных рабочих Нарвского района. Ответил им небезызвестный писатель-экономист, когда-то даже считавший себя социал-демократом, правда, бернштейновского толка, господин Прокопович. «Главное, не бейте стекол, – сказал он рабочим, – пожалуйста, не бейте стекол». Комментарии излишни, сами видите...

– Вам понравились молодые Берги? – спросил Буренин.

– Так ведь один из них – член пашей партии. – ответил Красин. – Кстати, о Бергах... – Красин задумался. – Состояние им отец оставил исключительное – обувная и мебельная фабрики, пай в Резиновом обществе, в Электросиле, пароходы на Волге... Вы знакомы с ними лично?

– Коротко, – ответил Буренин.

– Павел Берг – надежный товарищ?

– Уверен в нем, как в себе. Это человек, решительно и навсегда порвавший со своим классом.

– Он мне понравился, – сказал Красин, вызывая в памяти худенького стройного юношу с детскими еще губами, торчащими ушами и густой шевелюрой. Почему-то ему на секунду показалось посреди разговора с ним, что время стремительно ушло назад и перед ним его

товарищ по «Техноложке», а может быть, и он сам. – Он очень умно говорил о промышленном прогрессе России.

– Это не Павел, а Николай. Он моложе Павла на год, но они почти неразличимы. Павел – это тот, что нападал на вас, Леонид Борисович, за умеренность ваших политических взглядов.

Буренин рассмеялся, а Красин остановился как вкопанный.

– Помнится мне, Николай Евгеньевич, что мы собирались на базе Берга создать боевую группу.

– Кое-что уже сделано...

– В таком случае нам необходимо сегодня же встретиться с Павлом Бергом и призвать его к сдержанности. Если он будет перед каждым незнакомым либералом, вроде меня, распинаться о своей любви к революции и к марксизму, он завалит все дело. Пусть почаще крепится на купола, а лучше всего пусть выглядит типичным «белоподкладочником»...

– Хорошо, я поговорю с ним, Леонид Борисович.

Они двинулись дальше. Недалеко от Покровских ворот на тротуаре толкалась толпа. Электрические лампы освещали объявление над входом в двухэтажный дом:

«Синематограф изобретенье Франции бегающие фотоснимки».

– Вы уже видели это диво? – спросил Красин. – На полотне разыгрывается настоящий спектакль, в чем-то даже более выразительный, чем театральный. Синема – гениальное изобретение! – Красин прищелкнул языком. – Движущиеся фотографии! И главное – так просто! Чертовы Люмьеры! Просто это все до того, что досадно, почему не сам придумал!

В конце бульвара они вновь остановились.

– Итак, ЦК собирается завтра, – сказал Красин. – С вами, Николай Евгеньевич, мы встретимся через три дня в ресторане Тестова, как договорились. Не провожайте меня дальше, я возьму извозчика.

Он пожал руку Буренина, но почему-то не отпустил ее и спросил с неожиданным интересом:

– А что же Коля Берг? Он не разделяет убеждений своего брата?

– Он помешан на технике, на промышленности, на индустриальном прогрессе, – сказал Буренин. – Конечно, он и за социальный прогресс, но путем эволюции. Они вечно спорят с братом...

– Поменьше бы этих споров на людях, Берг нам очень нужен, – сухо и деловито сказал Красин, отпустил Буренина, энергичными шагами вышел из сквера и на углу поднял трость, подзывая извозчика.

Тому назад лет сто пятьдесят, а то и все сто восемьдесят прибыл в Россию то ли немец, то ли швейцарец – в общем, нерусский человек Берг, почтовых дел мастер. Ни славы, ни денег на своем почтовом поприще оный Берг не нажил, но и не пропал, уцелел – осел в одном из многочисленных департаментов Санкт-Петербурга.

Женился этот первый Берг на русской небогатой барышне, все последующие Берги делали то же самое, и через столетие от европейского происхождения осталась только эта короткая и гордая, как гора, фамилия. Сами же Берги жили тихо, звезд с неба не хватало, прозябали в приличной петербургской полубедности, пока не набрал силу Ипполит Берг, дед уже знакомых нам Павла и Николая.

Какое-то таинственное сочетание совершенно скромных наследственных качеств сделало Ипполита нахрапистым честолюбивым мужчиной. Оставив потомственную служилую линию, он пустился в коммерцию. Через некоторое время о Берге заговорили в промышленных кругах. Ипполит посватался к дочери московского денежного мешка Полупанова.

Сыну своему Ипполит Берг передал уже миллионное дело, но тот оказался из тихих Бергов и капитал не приумножил, хотя и не разбазарил: станки на фабриках стучали исправно, продукция сбывалась, пароходы гудели – капитал умножался уже сам по себе.

За год до описываемых событий Иван Ипполитович Берг погиб при катании на лыжах в Гармиш-Партенкирхене. Еще раньше скончалась его супруга. Дети остались одни – два сына и девочки Лиза и Таня. Старшим в семье оказался студент третьего курса университета Павел, которому меньше всего хотелось умножать наследственный капитал. Напротив, Павел страстно мечтал свести этот капитал к полному нулю путем социальной революции. Павел тяготился своим богатством, своими фабриками, где заведенным порядком естественно шла эксплуатация рабочего класса, он стыдился всего этого до тех пор, пока товарищи не разъяснили ему, что деньги являются прекрасным подспорьем в борьбе с самодержавием.

Надо сказать, что и Николай, студент Императорского Технического училища, человек взглядов, как мы видели, хоть и прогрессивных, но умеренных, тоже относился с какой-то неловкостью к семейному богатству, вроде бы стыдясь его.

Итак, братья подошли к своему дому, большому особняку. Дом строился парижским архитектором и представлял собой образец только что входящего в моду стиля «модерн»: огромные окна, забранные в декадентски изогнутые рамы, декадентские опять же бронзовые перила, ручки, фонари, облицовка по фасаду метлахской плиткой, чудно и тревожно загорающейся, когда на нее падали лучи закатного солнца, а внутри – черное дерево, особый какой-то «теплый» мрамор с внутренним огнем.

В гостиной братья застали небольшое общество. Развалясь в кресле и бесцеремонно вытянув ноги в странных высоких меховых сапогах, хохотал Виктор Горизонтов, юноша богатырского сложения. Смеялись и сестры, высокая румяная с толстой косой семнадцатилетняя Лиза и шестнадцатилетняя Таня, совсем еще девочка. Снисходительно улыбался друг Павла – штамповщик берговской обувной фабрики Илья Лихарев. Что же или кто же вызвал веселье барышень и молодых людей? Еще не входя в зал, Павел и Николай услышали высокий надтреснутый голос, порой начинавший как бы дребезжать от экстаза.

– Общество это должно быть взорвано и скрыто лопатами до основания! Нужно расчистить место для новой жизни! Нужно сломать не только дворцы и тюрьмы, но и заводы, и москательные лавки, и рестораны, притоны разврата правящей элиты, и больницы, где одурачивают страждущий класс!

Это выкрикивал стоящий возле окна худой, одетый в черную косоворотку блондин. Жидкие волосы падали ему на выкаченные голубые глаза, правая рука то и дело взлетала над левым плечом.

– А булочные, Митяй, с булочными как поступить? – низким красивым голосом спросил Виктор Горизонтов, не меняя позы.

– Сжечь! – крикнул блондин. – Хлеб съедим, а булочные сожжем!

– А университеты? – спросил с порога Николай Берг.

Блондин сделал порывистое движение и застыл в рывке.

– Под корень! – взвизгнул он. – До основания! Плугом пройти по пепелищам университетов и библиотек, вместилищу векового обмана трудящихся! Мы должны разрушить города и уйти к дикой природе!

– Стоп! – сказал вдруг Горизонтов, поднялся с кресла и лениво потянулся, как бы демонстрируя свою великолепную фигуру. Он вынул из кармана серебряный рубль и протянул его неистовому оратору. – Пока еще булочные не сожжены, Митяй, сходи купи нам с тобой на ужин ситного, сахару да фунт чайной колбасы.

Блондин взял рубль, щелкнул каблуками перед барышнями и стремительно вышел, что-то все еще бормоча себе под нос.

– Хорош? – спросил Горизонтов, когда шаги блондина затихли в глубине зала. – А знаете, кто таков? Драгунский офицеришка, сын попа из Рязани, герой Кровавого воскресенья... – Горизонтов обвел глазами присутствующих, оценивая эффект, вызванный его словами.

– Вечно вы придумаете что-нибудь несусветное, Виктор, – сказала Лиза, посмотрев на Горизонтова чуть-чуть из-за плеча.

Таня же смотрела на него, простодушно открыв рот, как дети смотрят на фокусника.

Горизонтов пружинистой походкой прошелся по залу, потом, подпрыгнув, уселся на подоконнике.

– Я его джиу-джитсой взял, – откровенно бахвалясь, заговорил он. – Я вам рассказывал, господа, как в Нагасаки Кимура учил меня японской борьбе джиу-джитсу? Ребром ладони я могу убить человека. Если хотите, можете потрогать ребро моей ладони. Кто хочет? Лиза, хотите попробовать? Николай, ты? Илья? Павел? Ну потрогайте, чего вам стоит! Танюша, ты не хочешь? Ну иди сюда, потрогай! Каково? Сталь? То-то... Короче говоря, в тот день, во второй уже половине, на Крюковом канале я заметил одинокого драгуна. Вот, думаю, этого я и возьму. Пошел за ним следом, прятался в подворотнях. Впереди казаки разгромили трактир, в котором пытались скрыться рабочие. Побили десятка полтора народу, напихали в карманы водки и ускакали. Возле этого трактира я и взял Митеньку Петунина двумя приемами джиу-джитсу. Взял и приволок на свой чердак, на Фонтанку...

– Да зачем он тебе нужен был? – спросил Павел Берг.

– Сам не знаю, – простодушно ответил Горизонтов. – Должно быть, просто любопытно. Ночью этот тип бредил, метался в жару... дикий антисемитский бред... жида, оказывается, к его колыбельке с ножами подбираются, и к царевичу, и к маменьке, но он их всех порубит, всех изничтожит! Утром истерика – бьется лбом в пол, погубил, говорит, тысячу душ православных. Убей, кричит, меня, выброси из окна. Ого, думаю, страсть какая, и возникла у меня идея. Начал я его агитировать в революционно-марксистском духе. Что бы вы думали, через неделю монархист-антисемит с поповской кашей в голове превратился в самого яркого революционера!

– Это, по-твоему, он революционные мысли здесь высказывал?! – запальчиво крикнул Павел. – Спасибо тебе за такого революционера!

– Сейчас у него временное увлечение анархизмом, – хмыкнул Горизонтов. – В наших «Чебышах» чего только не наслушаешься. Во всяком случае, из армии дезертировал, отдался революции...

– Такие личности только компрометируют революцию! – крикнул вдруг из угла Илья Лихарев. – А тебе, Горизонтов, самому до марксизма, как до Луны, далеко!

– Ты думаешь? – искренне удивился Горизонтов.

– Извольте, Виктор, не приглашать сюда больше эту персону! – ломким голосом сказала Лиза.

Все напустились на Горизонтова, и он растерялся, отмахивался огромной ладонью, бормотал:

– Да что вы все на меня, он мой верный Санчо... не более того...

Виктор Горизонтов был огромным красавцем, как бы увеличенной копией красавца нормального. Было ему чуть-чуть за двадцать, но последний год его жизни по насыщенности стоил доброго десятка лет.

Виктора можно было в полном смысле слова назвать «кухаркиным сыном», ибо и впрямь был он сыном почтенной тамбовской кухарки и выслужившегося до офицерского чина флотского фельдшера. Папа Горизонтова пытался определить сына в морской кадетский корпус, но безуспешно, впрочем, если бы он знал, что ждет Витюшу на морском поприще, то вряд ли бы так старался.

В конце концов Виктор попал на флот и служил на броненосце «Петропавловск» электриком, когда этот огромный корабль взорвался вблизи Порт-Артура. Выудила Горизонтова из воды японская миноноска, выудила и с удовольствием взяла в плен.

Месяца три Виктор провел в порту Нагасаки, где, изнывая от безделья, учил японский язык и занимался джиу-джитсой с начальником лагеря военнопленных Кимурой.

Затем это ему надоело, и однажды ночью, оставив Кимуре безграмотную, но трогательную записку, начертанную иероглифами, Горизонтов переплыл залив и влез на борт американской промысловой шхуны. На шхуне не спали, а, напротив, дрались. Русский гигант не стоял в стороне и хорошо зарекомендовал себя в глазах капитана.

Шхуна с Горизонтовым на борту пересекла океан и некоторое время очень удачно браконьерствовала возле канадских берегов. Получив приличное количество долларов, Витя очень хорошо отдохнул в Ванкувере и без гроша к кармане нанялся матросом на английский пароход, идущий рейсом до Гонконга.

В Гонконге с ним стали происходить всевозможные события. То ли он был ограблен, то ли проигрался в рулетку, он и сам толком не знал. Короче говоря, остался опять без денег и почти без одежды, работал грузчиком на чайном складе, изображал дракона в китайском цирке, был даже вышибалой в одном аристократическом заведении. Еле-еле выбрался Горизонтов из этого удивительного города и после ряда дополнительных приключений добрался до Европы.

В Европе была уже осень, мокрые листья летели вдоль аллей, и здесь на одном из уютных европейских перекрестков Горизонтов столкнулся с другом детства Павлом Бергом, что, разумеется, несказанно поразило их обоих.

Им было лет по тринадцати, когда они впервые встретились на Южном берегу Крыма. В Гурзуфской бухте, на берегу которой стояла дача Бергов, довольно часто швартовалась странноватая грязная барка с греко-татарским экипажем. На барке этой, перевозившей вдоль черноморского побережья никому не ведомые товары, служил юнгой Витя Горизонтов, зарабатывал свои первые трудовые копейки и закалял характер.

Дружба их началась, как водится, с драки. Вдумчивый и тихий барчук Павлуша однажды предавался размышлениям, лежа на плоском камне довольно далеко от берега, когда из моря вдруг вынырнула пучеглазая голова, которая заявила, что «этот остров принадлежит ему и только ему, а если незнакомец предъявляет на него свои права, то он готов сразиться, доннерветтер, и так далее!». Битва была короткой. Когда Павел очнулся, он увидел рядом с собой на берегу огромного мальчика, смолившего вонючую самокрутку.

Никакой особенной любви к угнетенному человечеству родители Павлу не прививали. Трудно сказать, под каким влиянием, но мальчик с ранних лет испытывал какое-то смутное чувство вины перед «простыми» людьми, ему хотелось поближе сойтись с кем-нибудь из этих странных неимущих людей, узнать, как они живут в том огромном мире, голубой край которого открывался с террасы гурзуфской дачи.

Новый приятель вел себя в кругу Бергов очень естественно и свободно. За чаем он съел целую корзинку пирожных и рассказал ужасающую историю о своем последнем путешествии в Батум. После этого он переверотил всю берговскую библиотеку и уехал на свою барку, нагруженный Жюлем Верном, Купером, Майн-Ридом и двумя томами Брокгауза и Ефрона. Энциклопедический этот словарь, к слову сказать, стал любимым чтением Горизонтова на всю жизнь.

Виктор поразил воображение Павла своим невероятным умением плавать, силой, лихостью, но главное – какой-то первозданной уверенностью в своих поступках, которая, возможно, сродни уверенности дельфина, рассекающего водную среду.

Несколько лет спустя Павел, уже передовой студент, решил испытать на Горизонтове силу марксистской литературы. Витя глотал книгу за книгой, а потом прибежал как-то ночью

к Бергу и торжественно заявил ему, что он свое образование окончил, все понял, все сошлось и теперь он марксист.

Потом началась война, и они расстались надолго. На «Петропавловске» Горизонтов вел довольно искусную агитацию среди гальванеров, электриков и минеров. Деятельность эта прервалась взрывом броненосца.

Встреча на европейском перекрестке была необычайно бурной. Виктор потянул Павла в облюбованный им трактир и обрушил на его голову водопад немыслимых историй, но вместо ожидаемого восторга встретил строгий взгляд, молчание, постукивание пальцами по столу.

Павел впервые выполнял за границей партийное задание по транспортировке литературы, он был очень горд своей миссией, весь поглощен конспирацией, но все-таки не удержался и осторожно напомнил другу, что тот вовсе не представитель международной морской шантрапы, а, напротив, человек политически грамотный, который мог бы стать борцом за счастье трудового народа.

Виктор с жаром закричал, что именно такая у него сейчас цель, именно борцом за счастье, иначе он давно обратился бы в первую русскую миссию и вернулся на флот. Берг тогда посоветовал ему прекратить шляние по кабачкам, продолжить самообразование и ждать.

Прошло, однако, немало времени, прежде чем эмигранты допустили бравого моряка в свою среду. Вначале через третьи руки он получал пустяковые задания и, всем на удивление, выполнял их не куражась, деловито и быстро. Доверие к Горизонтову пришло после того, как он самостоятельно выследил и разоблачил агента русской заграничной агентуры.

В Россию Горизонтов вернулся под чужим именем и попал как раз к событиям 9 января, во время которых «взял в плен» Митю Петунина. Пленением этим, а особенно обращением монархиста в революционную веру Горизонтов очень гордился и теперь даже слегка растерялся от неожиданного «афронта».

Между тем, пока мы рассказывали историю этого юноши, в доме Бергов появлялись все новые и новые лица. Прошли через зал, неловко поклонились и исчезли три молодых химика. Юноши эти были не без странностей, настоящие затворники: все бы им сидеть в своих подвалах и мудрить над ретортами и колбами.

Павел Берг при виде химиков очень повеселел и подмигнул Горизонтову. Виктор тоже мигнул ему – понял, что прощен. Николай досадливо передернул плечами. Он прекрасно знал, что в подвале у них как раз под этой гостиной целый склад взрывчатки, но обстоятельство это почему-то не слишком его радовало. Девочки же не обратили на химиков никакого внимания. Они теперь приставали к Горизонтову, чтобы тот прошелся на руках.

Горизонтов не заставил себя долго упрасивать и как раз отправился на руках по лестнице на антресоли, когда вошел, растирая красное с морозца лицо, Николай Евгеньевич Буренин. Потом явились двое рабочих мебельной берговской фабрики и проследовали в библиотеку.

– Николай Евгеньевич, может быть, вы нам немного поиграете? – робко попросила Танюша.

Буренин тут же сел к роялю и начал играть.

– Рахманинов, – еле слышно прошептала Таня и сжала кулачки на коленях.

При первых же звуках фортепьяно в зале появилась и неслышно прошла вдоль стены стройная девушка в темном платье – Надя Сретенская, курсистка и кроме того связная Боевой технической группы.

Горизонтов, прикрыв лицо ладонью, вроде бы погружаясь в музыку, меж тем внимательно рассматривал Сретенскую, ее волосы, лицо, фигуру. Сретенская строго смотрела прямо перед собой и только однажды быстро исподлобья взглянула на Павла. Павел же смотрел на люстру, казалось, он был поглощен музыкой, но все же почувствовал взгляд Сретен-

ской и улыбнулся ей не глядя, с рассеянной нежностью. Николай не слушал Буренина, а во все глаза, с детским почти восторгом глядел на Надю. Лиза смотрела в окно на черные контуры деревьев и лишь изредка взглядывала через плечо на Горизонтова. Илья направился было к Лизе, чтобы сесть рядом, но, перехватив ее взгляд, резко повернулся и отошел к камину.

Итак, воспользуемся музыкальной паузой и для полной ясности посвятим читателя в маленькие личные тайны присутствующих.

Надя любила Павла. Павел любил только Революцию, но знал, что Надя любит его, и это ему было приятно. Брат его Николай был влюблен в Надю и почти не скрывал этого. Виктору Горизонтову нравилась Надя, а может быть, и Лиза, он никак не мог понять, какая из девиц красивее. Лиза думала только о Горизонтове, то есть была в него почти влюблена. Ее в свою очередь тайно и мучительно любил Илья Лихарев. И только Танюша не имела еще постоянного предмета обожания. Ей все очень нравились, и всех она побаивалась – как бы не раскрыл кто-нибудь тайных ее мыслей, хотя мыслей таких у нее и не было никогда, а было лишь их предчувствие. Очень ее смущал роковой поэт Бальмонт.

Вот такой, довольно романтической, была атмосфера в доме Бергов.

Буренин, кончив играть и поклонившись барышням, отозвал в сторону Павла.

– Павел Иванович, мне нужно с вами переговорить строго конфиденциально.

Они отошли в дальний угол гостиной и встали возле мохнатой субтропической пальмы.

– Сегодня вас видел Никитич, – сказал Буренин.

– Как?! – вскричал Павел. – Не может быть!

– Он был на концерте и наблюдал вас со стороны. – Буренин огляделся. – Очень уж у вас дом настежь, Павел Иванович. Пожалуй, шпик проскочит, так и его к чаю пригласят.

Буренин изложил Бергу слова Красина о необходимости строжайшей конспирации.

– Да-да, понимаю... – бормотал Павел. – Никитич совершенно прав. Я часто забываюсь, ору, как идиот...

– Вы должны понять, что надвигаются очень важные, решительные события, – тихо сказал Буренин.

– Это правда?

– Да. Должно быть, в скором времени состоится третий съезд. Что происходит в стране, вы сами видите.

– Николай Евгеньевич, сегодня вы впервые говорите со мной от имени самого Никитича, – сказал Берг. – Я понимаю, что это уже новая фаза доверия. Я обещаю сделать все, что мне прикажут. Скажите, я когда-нибудь увижу его самого?

– Возможно, – коротко ответил Буренин.

На этом они расстались.

Между тем молодежь отправилась гулять. Горизонтов рассказывал о быте московского «Латинского квартала», где он поселился, приехав из Петербурга, о знаменитой «Чебышевской крепости», где некогда гнездилась еще нечаевская «Народная расправа», о каракозовском «Аде». Он так ярко живописал буйных нынешних обитателей этих студенческих трущоб, что даже воплощенная строгость – Надя Сретенская начала улыбаться, а этого он как раз и добивался.

Снегопад давно уже прекратился, и небо очистилось. Полная и чистая луна стояла в небе, улица была расчерчена тенью деревьев.

Возле Арбатской площади толпился народ, скрипели полозья пролеток, кричали извозчики.

– И вот Тихарь говорит Помидорскому, – надрывался Горизонтов, – «завтра обо всем будет доложено декану». А Помидорский ему в ответ: «А сейчас я тебя выброшу из окна!»

Хохот компании был прерван вдруг визгливым голосом сзади:
– Изменники! Крамольники! Перевешать бы вас всех! Смуту сеете!
Горизонтов резко повернулся...

ГАЗЕТЫ

Невероятный инцидент

...В начале февраля в Москве солидная дама в ротонде, встретив группу студентов и гимназистов, обратилась к ним с грозным обличением.

– Изменники! – взвизгивала дама. – Крамольники! Перевешать бы вас всех!

Один из студентов, возмущившись таким тоном и особенно ввиду начавшейся собираться толпы, резко заявил свой протест.

...Дама обиделась, толкнула протестанта в грудь и, поскользнувшись, упала и... оказалась мужчиной в подобающем этому полу костюме под платьем и ротондой.

«Патриота-переодевателя» тут же наградили тумаками, но никто не решился составить соответствующий протокол, чтобы хоть выяснить: агент это, провокатор, сумасшедший или своеобразный патриот?

«Биржевые ведомости».

* * *

Виктор Горизонтов был довольно уже известен на Бронных улицах под именем Англичанин Вася. Изображал он здесь из себя несусветного чудака, путешественника, этнографа, англomана и поклонника восточных религий. Физическая сила, бокс и джиу-джитсу, а также общительный нрав и фантастические рассказы принесли Горизонтову среди обитателей улиц значительную популярность. Нравы здесь были вольные, откровенные филеры не решались и носа просунуть в «Чебыши» или в «Ад», а дворники и городовые были настолько терроризированы беспутными студентами, что им и в голову не приходило проверить, настоящее имя носит Василий Агеев, он же Англичанин Вася, или поддельное, настоящий у него «пачпорт» или липа. Здесь можно было подозревать буквально каждого, так что для спокойствия лучше было никого не подозревать и втирать очки начальству.

Однако Горизонтов был осторожен. После убийства великого князя на Бронных улицах вполне могли появиться новые шпики. Нельзя недооценивать охранку. Не все же там такие дубы, как старый пес Ферапонтыч Луев. Наверняка они сейчас идут на всяческие ухищрения и засылают провокаторов, может быть, даже замаскированных искусно под революционеров или богему.

Вот, например, навстречу движется чучело гороховое в продранном цилиндре, клетчатом пледе на плечах, в пенсне – вид прямо монмартрский, а вдруг шпик? Э, да это знакомый, один из новых духовных вождей Мити Петунина, теоретик анархизма Эмиль Добриан.

– Вечер добрый, мсье Добриан, – приветствовал его Виктор.

– Здравствуй, красивый человек-зверь, – вялым голосом ответил погруженный в себя мэтр и прошествовал мимо. Шел, разумеется, в буржуазный дом – пугать гостей и ужинать.

Через несколько шагов Горизонтов повстречал добрую фею Большой Бронной тетку Авдотью, хозяйку переполненной совершенно уже нищими парнями квартиры.

– Бонжур, Евдокия Васильевна, – поклонился Горизонтов.

– Бонжур и вам, Василий Батькович, – пропела Авдотья, угостила молодца теплым еще калачом и осмотрела его всего с сожалением. – И здоровый-то, и румяный, в деревню

бы тебе, Васюша, к молоку, в хорошее хозяйство, а ты все здесь маешься. Аль леварюцию ждешь?

Простившись с теткой Авдотьей, Горизонтов сделал еще несколько шагов и перемахнул через гнутую-перегнутую чугунную решетку во двор своего дома. Можно было, поднатужившись, пройти еще шагов двадцать до так называемого «парадного» входа, но не было бы тогда сладости пролета над чугунными пиками, и потому Англичанин Вася предпочитал этот путь.

Сразу за решеткой цепкий глаз Горизонтова заметил следы, уходящие в глубь двора, к заброшенному кирпичному амбару. Виктор нагнулся и посветил. Так и есть – следы были желтыми. Мелинит!

«Ох, эсеры-сволочи! Ну что делают!» – покачал головой Горизонтов и двинулся по следам, затаптывая их, забрасывая свежим снегом.

В амбарчик можно было попасть через полуподвальную дверь. Виктор бухнул в нее сапогом. Внутри что-то упало.

– Кто? – спросил тихий голос.

– Свои! – крикнул Виктор и сразу услышал характерный звук взводимых револьверных затворов.

– Не дурите, не дурите! – сказал он. – Не знаю я ваших паролей, а дело срочное.

– Англичанин Вася, – сказали в амбаре, и дверь приотворилась.

Бледные лица освещала слабая керосиновая лампа. На длинном дощатом столе валялись мотки бикфордова шнура, стояли банки с глицерином и кислотой. Готовая продукция скромной горкой была уложена в углу, на рогожке.

– Эх, эсеры-эсеры, – укоризненно проговорил Горизонтов, – черти вы полосатые...

– В чем дело? – выступил вперед мосластый, кадыкастый, носастый Юрий Юшков по прозвищу Личарда. – Мы вам, кажется, не мешаем? Идите своей дорогой.

– Посмотрите себе под ноги, господин Юшков, – сказал Горизонтов и показал на пол, покрытый рассыпанным и растоптанным мелинитом. – Чем желтый след по снегу протаптывать, лучше уж вывеску на улице повесить. «Бомбовая мастерская Личарда и К. Принимаются заказы. Цены снижены».

– Фу, черт! Англичанин прав! – заволновались эсеры.

Горизонтов покинул помещение и, очень довольный собой, воображая со стороны, с эсеровской стороны, свое эффектное и полезное появление, снова пересек двор и по шаткой деревянной лестнице поднялся в скрипучую дырявую комнатку, которую он делил со своим «пленником» Митей Петуниным.

В комнате, еле-еле освещенной огарком свечи, сидели на кроватях, на подоконнике и единственном стуле несколько молодых людей, по виду рабочих. Митя Петунин что-то горячо втолковывал одному из них.

– Митька! – гаркнул с порога Горизонтов. Петунин вскочил и вытянулся по швам. Горизонтов вывел его на лестницу.

– Оpozорил меня сегодня у Бергов, драгунская шкура, – усмехаясь, сказал он. Какую-то необъяснимую слабость питал он к этому странному поповичу с его вывихнутыми мозгами. – Ты где это анархистских идей поднабрался?

Митя лихорадочно запыхтел папиросой.

– Раза два или три ходил в «Ад», Виктор Николаевич, в общество «Солнце и мы». Увлёкся.

– В общем, эту муть из головы выброси, – приказал Горизонтов. – У нас своя теория есть, и притом научная.

– Литературки не хватает, – сказал Митя. – Забросили вы меня, Виктор Николаевич, и вот результат – теоретически отстал я.

– Ладно, Митяй, литературы я тебе добавлю. Пошли. Вдудвай-ка лампу! Начнем.

...Горизонтов положил на стол тяжелый предмет, завернутый в тряпку, оглядел присутствующих и тихим, серьезным голосом заговорил:

– Товарищи! Революционные события нарастают по всей стране. Социал-демократия в самое ближайшее время должна выработать свою тактику. Сейчас большинство комитетов стоит за точку зрения товарища Ленина о созыве Третьего съезда. Скоро ЦК будет решать этот вопрос. Пока что нам переданы указания об организации сил самообороны на предприятиях и в учебных заведениях. Возможны стычки с полицией и черной сотней. Это указание идет от Никитича. Так что сегодня мы с вами будем не книжки читать, а заниматься кое-чем посущественней.

Он улыбнулся широко и с веселым коварством, развернул тряпицу, и все увидели черный револьвер с длинной гнутой рукояткой.

– Кто знаком с этой штукой? – спросил Горизонтов. – Кроме Петунина, конечно. – Он погрозил кулаком в угол, где съехался Митя. Никто не ответил. Рабочие, как замороженные, смотрели на оружие.

– Револьвер системы «Смит и Вессон», – сказал Горизонтов.

– Это, конечно, не «кольт», который у меня был в Ванкувере, но все же...

Глухая февральская ночь 1905 года. Тревога, бессонница...

– Почему ты не спишь, Леонид?

– Теперь уже бесполезно спать. Я выезжаю поездом в 6.15. Завтра утром заседание ЦК...

– Знаешь, мне что-то тревожно. Сегодня на улице полковник Владимирский так посмотрел на меня! Он подозревает...

– Бог с ним, с Владимирским, и всеми местными жандармами. Мне кажется, Люба, что мы не заживемся в Орехове.

– Тебе кажется, или?..

– Я почти уверен. Ты должна быть готовой ко всему. Что-то близится очень серьезное...

– У меня тоже такое чувство. Должно быть, скоро грянет революция...

– Да-да-да, в этом уже нет сомнений, идет девятый вал. Но поверишь ли, Люба, меня порой охватывает оторопь, я спрашиваю себя каждую минуту – готов ли? А тебе не страшно за девочек, за себя?..

– Конечно, страшно, но... но ведь это то, о чем мы мечтали в юности как о несбыточном торжестве.

В тишине слышались лишь вой ветра да далекие гудки маневрового паровоза.

– Теперь прощайте, машины, генераторы, батареи. Скоро мне придется иметь дело с электричеством другого рода.

– Знаешь, Леонид, когда ты занят своими машинами, мне становится покойно и прекрасно и, представь, немного горько: ну, вот и все, думаю я. Когда ты уезжаешь по другим своим делам, мне страшно, тревожно и радостно, как в юности... как будто мы еще там, над Волгой, на откосе...

Она села на кровати и завернулась в одеяло. Блестели только огромные глаза, в полумраке она казалась совсем девочкой, той, из Нижнего Новгорода...

Кремовый ночничок с просвечивающим купидоном, халат с кистями... Он отогнул тяжелую штору. Внизу под слабым фонарем по брусчатке мела поземка.

...Зубатов безусловно одаренный человек, но чего ждать от господина Лопухина, нынешнего директора департамента полиции? Зубатов – зубы, это неплохо... Лопухин – лопух, это постыдно... Лопух и зубы – очень прямолинейно, здесь нужен человек с фами-

лией типа Ехно-Егерн... Ехно-Егерн – как прекрасно и непонятно... Ехно – отвлекающий, теплый, слегка пахучий, но на мягких лапах, и – Егерн! – удар по темени...

Голова сидящего за огромным столом подполковника Егерна упала на грудь, и тут же подполковник подскочил, встряхнулся – фу, черт, засыпаю уже на ходу... как старик... Выбрался из-за стола и пружинисто зашагал по полутемному очень большому кабинету, всунул в глазницу монокль, взглянул в окно на застывшие в морозной ночи подстриженные липы...

«Но граф Витте, умница, как мог он позволить эту бездарную живодерню? Неужели он не понимал, что это только приблизит революцию?..»

В дверях вырос дежурный офицер. В руках у него был большой сверток.

– Разрешите доложить, господин подполковник, за вами прибыли. Здесь партикулярное платье...

– Вы чего смеетесь, Игнатьев?

– Смешное сообщение набираю, господин метранпаж!

– Покажите!

– Извольте!

«Вчера около часу дня провалился Египетский мост через Фонтанку при переходе через него эскадрона лейб-гвардии конногренадерского полка. Есть пострадавшие».

– Что же тут смешного, Игнатьев?

– Очень смешно, господин метранпаж.

– Ровно ничего тут смешного нет, господин Игнатьев. Сообщение, наоборот, скорее печальное. Провалился мост, люди и лошади были испуганы, есть травмы...

– Все понимаю, господин метранпаж. Тут плакать надо, а мне смешно.

– Вы в церковь ходите, Игнатьев?

– Нет, господин метранпаж, я дома молюсь.

Пожимая плечами, метранпаж «Биржевых ведомостей» отошел от наборщика. Бессмысленный этот разговор застрял за воротником, словно волосы после стрижки. Ротационные машины в подвале стучали среди ночи, как копыта кавалерийского эскадрона. Чушь какая-то!

– Нам, Павел, встречаться больше не нужно... – проговорила Надя.

– Но почему, Надя? Почему? – Павел приподнялся на локте. – Почему мы не можем любить друг друга? Жениться, конечно, сейчас глупо, но почему...

– Как жаден ты до жизни, Павел, – глухо сказала Надя.

– Ну конечно! Почему же нет?

– Потому что чем-то надо жертвовать.

– Ты знаешь, что я готов пожертвовать всем и пожертвую, когда будет нужно.

– Даже мной?

– Даже тобой. Ты знаешь...

– И я тоже, милый мой...

– Я знаю, Надя...

– Ну, вот и расстанемся...

– Зачем же сейчас нам расставаться?

Она рассмеялась.

– Все-таки немецкий здравый смысл где-то в закоулке мозга притаился у тебя, майн либер Пауль. – Она вдруг оборвала смех и сказала неожиданно: – Ты знаешь, что твой брат любит меня?

– Коля? Что за вздор!

Надя усмехнулась.

– Вот он ради меня пожертвует всем на свете, он одержим любовью...

– Ты меня удивила, – довольно спокойно сказал Павел. – Но я ведь не виноват, что ты полюбила меня, а не его...

Она смотрела на пушистые ветви елей, сверху облитые лунным светом.

Городовой Ферапонтыч, словно лошадь, обладал способностью спать стоя. Больше того, он любил спать стоя. Любил войти с мороза в фатеру и, не снимая шинелки, при шашке, нагане и свистке, тут же посередь комнаты заснуть.

Супруга знала эту его особенность и хоть перед соседями стыдилась, но уважала.

Вот и в эту ночь Ферапонтыч посвистывал носом, стоя посередь низкой горницы уже чуть не второй час. Обледенелость стаяла, и под Ферапонтычем натекло. Видел он самый настоящий ужжастный сон, отгадки которому ни у какой гадалки, ни даже в соннике сестриц Фурьевых не найдешь.

Кучерявый скубент, похожий на того, чугунного, с Тверского бульвара, сымал с него портупей. Сымаешь так сымай, а бонбу в карман мне не суй, там у меня стакана два тыквенных семечек еще осталось. И щакотки я не переношу, все это знают в околотке, включая супругу Серафиму Лукиничну, в девичестве Прыскину, статс-даму свиты ея величества флигель-горнист. Сымает, все сымает с меня, благородный и уважаемый скубент. Усе уже снял с меня, пузо волосатое аж до колен отвисло, а он все бонбу мне в карман – под кожу, что ли? – сует, и зачем? Конечно, они ученые, им видней, а только ежели шарахнет – куды ж мне грыжу-то мою девать?

Супруга Серафима Лукинична, в девичестве Прыскина, с привычным страхом и уважением смотрела на свистящую, охающую, булькающую статую мужа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.